

ЭРМА КОВАХ

5.4.0.

ЧУДЕС НЕ БЫВАЕТ.
БЫВАЕТ ТОЛЬКО НАУКА.

И БОЛЬ МНОГО БОЛИ...

Эрма Ковах

5.4.0.

«Литнет»

2026

Ковах Э.

5.4.0. / Э. Ковах — «Литнет», 2026

Две женщины — хладнокровный бывший профайлер и авантюрная журналистка — отправляются в закрытую общину, созданную эксцентричным миллиардером. Под предлогом расследования они становятся пленницами в идеальном, стерильном мире, где правят свои правила и где обещают «чудо». Но за фасадом утопии скрывается темная истина, раскрыть которую — значит поставить под угрозу не только расследование, но и свою жизнь, рассудок и саму реальность.

© Ковах Э., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
1. Город в пепле	6
Глава 2. Без обратного билета	11
Глава 3. Разлив	18
Глава 4. Под стеклянным куполом	25
Глава 5. Тюрьма класса "Люкс"	32
Глава 6. Сыновья отца	39
Глава 7. Три часа на свободу	45
Глава 8. Последний шанс на ложь	53
Глава 9. Первый сбой	58
Глава 10. Стеклянная банка	65
Глава 11. Мученицы	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Пролог

Сколько раз вы оказывались в настоящей опасности? Сколько?

До этого дня я ни разу не считала, потому что если начать, то придётся признать, что было и «до», когда каждый взгляд не был прямой угрозой. И «после», когда нужно улыбаться и приветливо кивать каждому прохожему — достаточно для восприятия, но недостаточно для анализа.

И я сделала это: вышла в сеть, в аккаунт Мики.

Пальцы дрожали. Пять. Четыре. Кулак.

Я показала это быстро, пока никто не видел, пока я думала, что никто не видит. Пусть кто-то с той стороны экрана заметит и сделает то, что должен.

Спасение — это абстракция, о Боге вспоминают лишь под пыткой, но шанс есть даже у меня...

1. Город в пепле

15 января, Вальтерсхольм

Машина вздохнула и застыла у парадного подъезда здания городской администрации.

Мика вывалилась из водительской двери, размахивая сумкой, понеслась к дубовым дверям. Я последовала за ней.

— Ты уверена? — мой голос прозвучал хрипло. Вопрос не требовал ответа, который был пригвожден к её лицу гримасой, которую она называла улыбкой.

Она кивнула один раз.

Вокруг падал снег. Зная всю историю нашего путешествия, он очень напоминал мне пепел. Каждая снежинка с идеальной шестигранной структурой медленно накрывала Вальтерсхольм, скрывая все секреты.

Здание администрации — строгий трёхэтажный дом из серого известняка, упрощённый северный ренессанс: никаких колонн и пафоса. Узкие стрельчатые окна были затемнены, чтобы изнутри видеть улицу. Центральный вход — дубовые двери с медной пластиной в форме узла; над ними — надпись: «Что решено в тишине, да стоит твёрдо».

Весь фасад был украшен судорожно мигающими гирляндами и яркой мишурой. Фонарики, словно петли, висели на каждом дереве. Они мигали аритмично, в надежде создать праздничную обстановку.

Я смотрела на этот дом сумасшедших огней, и он напоминал мне труп в клоунском гриме. Его накрашили, чтобы скрыть синюшность, нацепили блестки, чтобы отвлечь от окоченения в суставах. Он стоял там, это центральное здание всего города-призрака, и сиял натужно, как последняя надежда утопающего, который уже наглотался воды.

Мика уже исчезла в светящейся пасти. Я сделала шаг. Снег-пепел хрустнул у меня под ногой тихим звуком ломающейся маленькой косточки.

Внутри администрации пахло медовым антисептиком и тоской.

Нас встретила женщина. Улыбка на лице была поставлена так тщательно, будто её нарисовали по трафарету поверх настоящего выражения. Приветливость, доведённая до абсурда.

— Я — Мелания. Мистер Уотсон предупредил.

Она выдала два ключа — пластиковые брелоки с логотипом «Вальтерсхольм»: стилизованная волна или, может, язык пламени. Дешёвый ширпотреб без вдохновения.

— Завтра за вами придет проводник, и вы сможете сами посмотреть на наши богатства и дары, — сказала она, и фраза прозвучала как заученный рекламный слоган. Богатства. Дары. Слова-крючки для тех, кто продал квартиру в городе и переехал сюда, надеясь на чудо.

Мика улыбалась и молчала, как и я. Молчание было лучшим способом наблюдения из всех возможных.

— Что-то еще? — спросила Мелания, недоумевая от тишины с нашей стороны.

Она достала два листа и протянула нам. Бумага была неприятно гладкой и дорогой.

— Что это? — спросила я, хотя уже знала. Всегда полезно услышать, как они это назовут.

— Так, — ответила Мелания, не глядя и указывая рукой на два мягких кресла у стены.

— Соглашение о нераспространении информации.

«Так». Минимализм, призванный снизить важность. Пустяк, формальность, которую нужно просто подписать в мягком кресле.

Я взяла лист. Шрифт Times New Roman, одинарный интервал. Стандартный юридический язык, составленный так, чтобы усыпить бдительность. Главный пункт был в середине третьего параграфа: «...а также обязуется не разглашать любые сведения, полученные в ходе

пребывания на территории комплекса «Вотива», которые могут быть истолкованы как коммерческая или духовная тайна Общества».

Мика уже рылась в сумочке, ища ручку. Её глаза бегали по строкам, выхватывая фразы. Я видела, как работает её мозг: «Скандал. Секретное соглашение. Эксклюзив».

Я медленно подошла к креслу, но не села. Мягкая обивка цвета засохшей крови — ловушка комфорта, чтобы подписывали быстрее.

— А если я не подпишу? — спросила я, глядя на Меланию.

Она обернулась. Улыбка не сошла ни на миллиметр, даже стала чуть более сочувственной.

— Тогда, дорогая, — сказала она с той же нежностью, — вы не сможете увидеть Чудо. А зачем вы тогда приехали?

Вопрос висел в воздухе, риторический. И мягкие кресла, чтобы в них удобно было тонуть, пока подписываешь своё молчание.

Я взглянула на Мику. Она поймала мой взгляд и быстро, почти не читая, поставила размашистую подпись внизу листа.

Я медленно достала свою ручку и подписалась: Релл Леру.

Я подписывалась для того, чтобы получить доступ. Ключ от клетки — тоже ключ.

Мелания взяла мои бумаги, и улыбка стала теплее ещё на один условный градус.

— Прекрасно. Добро пожаловать в Вальтерсхольм. Отдохните с дороги. Завтра вас ждёт удивительный день.

Мы обе кивнули и так же молча отправились искать отель.

Отеля в городе не было, только гостевой дом. Двухэтажный сруб, стилизованный под «душевность».

Хозяйка уже стояла на пороге и ждала. Скорее всего, ей позвонили из администрации. Плотная женщина в клетчатом платье представилась Ирмой.

— Добро пожаловать, милые! Проходите, проходите. К ужину всё будет готово.

Пахло тушёной капустой и влажной древесиной. Приглашение к ужину — некий ритуал гостеприимства, ещё одна форма контроля — через желудок.

Наши комнаты были наверху, друг напротив друга. Моя — справа, Микина — слева.

Комната показалась мне нежилой: деревянная кровать, стол, шкаф, ничего лишнего. Интерьер аскета или тюремной камеры. Свежеструганные доски ничем не пахли.

Не успела я сбросить сумку, как на лестнице затопали шаги. В комнату влетела девушка лет шестнадцати, дочь Ирмы. Щеки румяные, глаза бойкие.

— Привет! Я Лина! Мама сказала вас встретить. У нас тут, — она заговорщицки понизила голос, — пока проблемы с вайфаем. Город очень новый, понимаете? Все только проводят. Немного скучно, но зато природа! И в Вотиве... ой, вы же там будете! Там вообще...

Она болтала. Поток сознания, обкатанный на каждом новом госте. Рекламный проспект в режиме реального времени. «Очень новый» — эвфемизм для «недостроенного». «Природа» — код для «здесь больше ничего нет». А «в Вотиве...» — наживка.

Я наблюдала за Микой. Видела, как в её висках пульсирует раздражение. Лина была живым воплощением всего, что Мика презирала: наивный энтузиазм, провинциальную болтовню.

— Надо в ванну и отдохнуть, — перебила Мика голосом, режущим, как лезвие. Она даже не посмотрела на девушку. — Поболтаем ещё за ужином.

И удалилась за свою дверь. Хлопнула негромко, показывая, что свои границы установила.

Лина замерла, чуть приоткрыв рот. Её монолог наткнулся на бетонную стену. Она обернулась ко мне.

— Ну... конечно, устали с дороги! — выдавила она, улыбка вернулась, чуть более напряжённая. — Ванная в конце коридора. Вода отличная, из наших скважин!

Я кивнула.

— Приятно познакомиться, Лина, — сказала я, пытаюсь быть максимально приветливой. Потом тоже закрыла свою дверь. Щелчок замка прозвучал громко в тишине коридора.

Тишина обрушилась сразу, и я подошла к окну. Вид на темнеющую улицу, на такие же срубы. В одном окне горел свет. На улице — ни души в семь вечера.

Я прислушалась. Из-за стены тоже была полная тишина. Две молчаливые женщины в двух одинаковых коробках, подписавшие соглашения о неразглашении.

Прежде чем спуститься вниз, я постучалась к Мике. Три коротких удара костяшками пальцев — наш код, означающий: «Это я, а не кто-то другой».

Дверь тут же приоткрылась, и рука втянула меня внутрь.

Мика наряжалась в чёрное строгое платье, которое должно было кричать «серьезный журналист», но на ней выглядело как костюм для ролевой игры. Она натягивала его на бедра, не глядя на меня.

Комната была уже загромождена: открытая косметичка на столе, вещи, выброшенные из сумки на кровать. Хаос как форма защиты — она метила территорию.

— Что думаешь? — спросила я, прислонившись к косяку и просто наблюдая.

Она фыркнула, пытаясь застегнуть молнию на спине.

— Секта. Очередная гребаная секта. Какие они все тут странные. — «Странные» у нее звучало как уголовная статья. — Улыбаются, как роботы. Эта Мелания... у меня бы лицо онемело от такой улыбки.

— Я же говорила, не стоит сюда ехать, — сказала я ровно.

Мика обернулась. Ее глаза горели азартом, который я видела у нее перед каждой авантюрой.

— Нет, Релл. — Она подошла ближе. — Это стоит любых усилий. Ты видела эти бумаги? «Духовная тайна Общества». Ты слышала этот щебет Лины? «В Вотиве...» и тишина. Здесь пахнет отнюдь не капустой, а большими, жирными деньгами и большой, жирной ложью.

Она поправила полоску платья, её пальцы дрожали от нетерпения.

— И ты тут, — она ткнула пальцем в мою грудь, — только потому, что мы вскроем этот гнойник. Я — на передовой, со своим блогом. Ты — с этими своими... наблюдениями. Ты все видишь. Все эти их микродвижения, ложь в уголках глаз. Твоя работа — заметить щель, моя — всунуть в неё лом.

Она уже строила нарратив: две смелые женщины против системы, где меня использовали как инструмент.

— «Проводник» придет завтра, — сказала я, меняя тему. — Как думаешь, кто?

— Один из этих послушников-зомби. Да и неважно. — Она подошла к зеркалу, резким движением нанося помаду ярко-красного цвета. — Я его разговорю обязательно. А сейчас начну с Ирмы и её болтливой дочери. Информация есть информация.

Она повернулась ко мне, в законченном образе борца за правду в черном платье и с кровавым ртом.

— А твоя работа сегодня — смотреть и запоминать. И не выглядеть, как профайлер, ради всего святого. Ты тут хореограф, рассказывай про танцульки, можешь даже мелкой показать пару па, главное, чтобы её рот был открыт и рассказывал все про их жизнь.

Внизу позвонили в колокольчик — знак, что ужин подан.

— Поехали, — сказала Мика, и её лицо снова озарилось той же вымученной, жадной улыбкой, которую она только что презирала в других. Она уже играла свою роль.

Я кивнула, отстранилась от косяка. Мы вышли в коридор.

10 декабря, Меганполис

История банальна до абсурда, как сценарий дешевого триллера, который сам себя пародирует.

Мика позвонила мне за месяц до этого без «привет, как дела», сразу в лоб, с хрипотцой в голосе от адреналина и, вероятно, дешевого вина.

— Релл, слушай. Я взялась за новое расследование. Ты не представляешь, там Пушка-Бомба!

Ее канал тру-крайм «Мика в деле» тогда набирал популярность. Людям нравилось смотреть, как эта яркая, почти истеричная девушка копается в старых полицейских протоколах и строит конспирологические теории. Она нашла свою нишу: правда как шоу или шоу как правда. Разницы уже не было, её манера и связи давали зрителю то, чего он жаждал: раскрытие дела, пусть даже не официальное.

— Люди массово едут жить в этот город, Вальтерсхольм. Продают квартиры в столице, бросают работу. И всё потому, что видели там Чудо. С большой буквы, да. Деньги текут рекой в их фонд. А какое чудо — никто не знает. Ни одного описания. Только восторженные отзывы и пустые глаза. Это же готовая секта! Мошенничество в особо крупных масштабах! Сенсация!

Она говорила задыхаясь. Я слышала, как стучит её клавиатура на заднем плане. Она уже гуглила, уже копировала ссылки, уже строила в голове сюжет.

— Ты же профайлер, — выпалила она. — Ты мне нужна. Поедем туда, и ты будешь наблюдать, ловить их на вранье, на микровыражениях, на всей этой... ерунде, которую ты читаешь как книгу. Мы вскроем эту бочку с дерьмом.

Тишина с моей стороны была долгой. Я смотрела в окно своей квартиры, на дождь, заливающий крыши столицы. Два года я не касалась ни одного профиля. Не открывала учебники. Не позволяла себе анализировать прохожих на улице — это превращалось в навязчивую идею, в тихий ужас.

— Я этим сто лет не занималась, — сказала я. — И я крайне плохой профайлер, Мика. Меня никуда не взяли, если ты не помнишь.

Я произнесла это без эмоций, как констатацию профессиональной смерти. Провал на финальном экзамене в академии. «Кандидат Леру демонстрирует блестящие аналитические способности, но полное отсутствие эмпатического фильтра и склонность к деструктивным выводам, что делает ее непригодной для практической работы в органах». Сухая строчка в заключении — и мой приговор. Я и сама не знала, видела ли я слишком много и слишком глубоко или, наоборот, не видела ничего.

Я ушла в хореографию, мою страсть детства. Танец давался легко, и, благодаря более простым правилам я устроилась в школу танца и порхала, как бабочка.

— Ой, не гони, — отмахнулась Мика. — «Не взяли» — это их проблемы. У тебя глаз-алмаз, и я тебе денег дам, у меня есть спонсор. Я уже всё обдумала.

«Спонсор». Чиновник, которого она держала на крючке. Она не сказала этого, но я знала. Всё в её жизни имело цену и источник финансирования.

— Зачем тебе я? — спросила я. — Сними всё на скрытую камеру, смонтируй, обвини их в чём угодно. Ты же это любишь.

— Потому что они не будут врать камере, — ее голос стал жестче. — Они будут врать тебе, нагло и в лицо, а ты это увидишь. Мне нужны не просто факты, мне нужны их трещины. Ты укажешь мне на них, а я в них влезу. Наша гениальная команда: детектив и психолог!

— А если там и правда чудо? — спросила я просто из вредности. Чтобы услышать её взрыв.

Он последовал незамедлительно.

— Чудо?! Релл, да очнись! Чудес не бывает! Бывают манипуляции, гипноз, вещества в воздухе, черт знает что! Но не чудо. Мы с тобой живем в одном мире, помнишь? В мире, где

хорошие парнидохнут первыми, а всякая хтонь вроде Уотсона строит себе культ личности на ровном месте.

— Я в деле! — сказала я.

За десять лет знакомства Мика хорошо знала одну мою слабость — ту самую «склонность к деструктивным выводам».

Вальтерсхольм, если отбросить азарт Мики, и правда оказался интересным.

Я изучила историю Тома Уотсона после того, как согласилась. Нельзя анализировать систему, не зная её создателя.

Картина была кристально ясной и оттого абсурдной. Типичная мечта обывателя: человек-успех, миллиардер, филантроп. Его фонды спонсировали всё: от лечения редких болезней до арктических экспедиций. Научная сфера обожала его — он был тем редким меценатом, который вникал и задавал умные вопросы. Говорили, у него было чутьё на гениев. Он находил их в подвальных лабораториях и вытаскивал на свет, давая деньги, оборудование, свободу.

А потом — щелчок.

Как по команде, он закрыл почти весь бизнес, ушёл со всех постов, купил клочок дикой земли на краю географии, где туман съедает горизонт, и построил город Вальтерсхольм.

И это был только первый акт. Второй оказался радикальнее. После открытия города Уотсон не стал его мэром, отцом-основателем, царем-батюшкой. Он ушел почти в монастырь, заперся в своей резиденции на острове Вотива с кучкой послушников. Стал отшельником в собственном парке развлечений.

Общественность гадала. Журналисты лизали стекла его бронированных машин. Психологи на телешоу ставили диагнозы: выгорание, экзистенциальный кризис, раннее слабоумие.

Но все, кто хоть что-то знал, шептали одно имя: Марк Дельгато.

Смерть его друга, его главной находки и его alter ego в науке.

Дельгато был не просто ученым, он был гением своего рода. Тихим, помешанным на генетике. Он не создавал коммерческие препараты, он изучал саму ткань жизни. Как ее чинить. Как улучшать? Его институт был легендой и одновременно черным ящиком. Официально — фундаментальные исследования. Неофициально же ходили слухи о военных заказах, о работах на грани биоэтики, о клонах овец и не только овец.

Уотсон был его ангелом-хранителем, щитом от мира, который хотел либо приватизировать Дельгато, либо уничтожить. Опасный симбиоз: мозг и кошелек.

А потом Дельгато умер. Официально — несчастный случай в лаборатории. Взрыв, пожар. Тело, как водится, опознать было почти невозможно. Все закрылось: лаборатории, проекты, данные. Всё закончилось. Наступила тишина, густая, как после реального взрыва.

И в этой тишине, как гриб после дождя, вырос Вальтерсхольм. А затем — слухи о Чуде.

Хронология была безупречной. Смерть творца. Уход покровителя в затворничество. Появление нового творения — города, а затем и феномена.

Логика напрашивалась сама собой: что, если Уотсон не сошел с дистанции? Что, если он просто сменил поле деятельности? Раньше он вкладывался в гениев и их идеи, теперь он вложил в самого себя, в создание другого рода реальности — религиозной, где он — пророк. А смерть Дельгато стала финальным толчком, точкой невозврата.

Я не верила в чудеса. Я верила в причинно-следственные связи и последствия.

Мика кричала о секте и деньгах и копала на уровне финансовой пирамиды.

Но я смотрела глубже. Уотсон явно строил не город! А Чудо, которое там показывали, было либо гениальным мошенничеством, либо чем-то таким, от чего у меня, «крайне плохого профайлера», похолодеет кровь. Потому что любые чудеса всегда что-то меняют, и никогда — к лучшему.

Глава 2. Без обратного билета

15 января, Вальтерсхольм

Стол ломился от сытной еды: тушеное мясо с кореньями, соленые грибы, темный хлеб.

За ужином собрались мы, Лина, Ирма и её муж, молчаливый, крупный мужчина по имени Эрик. Он больше резал хлеб и жевал, чем говорил.

Мика играла свою роль с размахом. Она нахваливала мясо, закатывала глаза в экстазе, требовала рецепт. Её энтузиазм был настолько громким, что становился подозрительным. Но Ирма и Лина, казалось, не видели подвоха. Они светились, принимая комплименты как должное.

— Просто рай на земле, — вздохнула Ирма, оглядывая свою столовую, как королева владения. — Тишина и покой, а люди какие добрые. Ни суеты, ни злобы.

— Но как устроена жизнь? — не отставала Мика, откладывая вилку. — Ну, я понимаю, что рай, но ведь должны быть правила? Управление? Охрана? Кто решает, кто может сюда переехать? Куда идут деньги?

Вопросы оказались слишком острыми, как нож для мяса. Эрик перестал жевать на секунду. Ирма лишь мягко улыбнулась, как взрослый, отвечая на детский вопрос о том, откуда берутся дети.

— Решает Община, дорогая, нет полиции или службы безопасности, и нет преступлений — лучший уклад жизни.

— А если случится преступление?

— Если случится что-то вопиющее, всегда есть наёмники. Всё открыто и честно. Деньги идут на развитие, на поддержку новых жителей, на связь с Вотивой. — Она сказала это так, будто перечисляла пункты из катехизиса. — Мы живем по принципу взаимопомощи: если тебе нужна помощь — соседи придут, если у тебя есть излишек — поделишься.

— А в Вотиву можно? — вклинулась я, спокойно разминая хлебный мякиш. — Просто так, посмотреть?

Наступила короткая пауза, Лина заерзала на стуле, а Ирма обменялась взглядом с мужем. Первая заминка за весь вечер.

— В Вотиву только по приглашению, — сказала Ирма, и её улыбка стала чуть более официальной. — Там особое место, это дом Тома, как наш дом. Вы же не вламываетесь в чужие владения без разрешения.

— А Чудо? — не унималась Мика, наклоняясь вперед. — Вы его видели? Настоящее?

Лина не выдержала. Её лицо вспыхнуло восторгом.

— О да! Я не могу описать. Это..., — остановилась она и обернулась на мать, ища разрешения, — это чудо. Оно такое чудесное, невероятное. Чудо, одним словом, — пролепетала несвязно она.

Но говорила искренне, без капли лжи. Это были заученные эмоции, переданные ей, как эстафетная палочка. Она верила в то, что должна чувствовать.

— А что именно происходит? — продолжала копать Мика. — Вы подходите к источнику? Вам что-то говорят? Дают выпить? Что?

Ирма положила руку на руку дочери. Успокаивающий, твердый жест, означающий «стоп».

— Чудо не описывают, милая, — сказала она твердо. — Его переживают. Каждый по-своему.

В комнате повисло напряжение. Эрик снова принялся за еду, демонстративно громко пережёвывая. Сигнал: разговор окончен.

Мика откинулась на спинку стула. На её лице промелькнула досада, быстро скрытая новой улыбкой.

— Конечно, простите моё любопытство. Журналистская привычка — всё разведать.

— Мы это ценим, — сказала Ирма. — Но здесь некоторые вещи ценятся выше сенсаций, например, покой.

Ужин продолжился, но атмосфера изменилась. Мика переключилась на расспросы о местных ремеслах. Ирма и Лина снова размякли, радостно рассказывая о гончарной мастерской и ткацком кружке. Рай вернулся, но теперь я видела его границы. Они были невидимыми, как стеклянная стена: стукнешься лбом — только когда попробуешь пройти.

Я молчала, наблюдая. Эрик молча ел. Ирма — милая, душевная женщина, мягко направляющая всё в нужное русло. А Лина — искренний продукт системы и её лучшая реклама.

Чудо было запретной темой. И, скорее всего, потому что оно и вправду существовало!

Мика была чуть раздражена, получив отпор.

Я отпила воды.

Мы доели почти в тишине.

После ужина Мика зашла в мою комнату и захлопнула дверь. В её глазах стояла ярость, приправленная отчаянием. Она выдохлась за столом, играя в милую любопытную дуру; она выложились по полной, а награда оказалась нулевой.

— Ну? — выпалила она, сбрасывая туфли. — Что у тебя там, гений наблюдения? Видела их «микровыражения»? Уловила «трещины»?

Я сидела на кровати, прислонившись спиной к стене.

— Видела. Эрик молчит, и это его основная функция. Ирма играет дипломата, и её улыбка сразу исчезает, когда вопросы касаются сути. Лина — истинно верующая. Она точно не лжет.

— Хреново, — проворчала Мика, падая в единственное кресло. — Идиллическая, патриархальная система, бла-бла-бла. Ничего конкретного! Только «чудо» и «покой». Черт, да они как секта для продвинутых! Никакой полезной информации.

Она схватила подушку с кровати, прижала к груди, будто это был тот самый «лом», которым она хотела всё вскрыть, а он оказался картонным.

— Может, дожмёшь спонсора? — спросила я спокойно.

Мика фыркнула, и в этом фыркание прозвучала вся её горечь.

— Дожму? Я его уже дожала до позвоночника, — она отбросила подушку. — Я ему угрожала, что отправлю жене все его «маленькие увлечения»: фото, переписки, счета. Полностью разрушу его карьеру, семью, всё. Он согласился и договорился с Уотсоном о моём визите. О «комплиментарном интервью». Типа, приедет хорошая журналистка, напишет о вашем прекрасном проекте.

Она замолчала, глядя в потолок.

— И то, что я хочу все это перевернуть и превратить в разоблачение — пока большой секрет даже для него. Он думает, я приехала за славой и деньгами от хвалебной статьи.

Она повернулась ко мне, и в её глазах читалась та самая опасная, отчаянная решимость, которая заставляет людей прыгать с крыши.

— Если он узнает, что я на самом деле копаю под Уотсона, он отключит финансирование и попытается меня заткнуть навсегда. Этот чиновник не шутит. У него связи.

— Мы всего день тут, столько еще предстоит. Выведаем, что за чудо, и будем отталкиваться от этого! — попыталась успокоить её я.

За окном царила абсолютная, давящая темнота Вальтерсхольма, словно мы были последними людьми на планете.

Я смотрела на Мику. Эта взрывная, непредсказуемая девушка, которая шантажировала своего любовника, чтобы получить билет в ад, действительно была расстроена. Её авантюра напоминала русскую рулетку, и она поставила на кон не только себя. Теперь, связавшись со мной, она поставила на кон и меня.

— Мика, мы же троянский конь, которого впустили по ошибке, — сказала я медленно, подбирая слова, как осколки. — И, если кто-то поймет, что внутри не подарки, а солдаты, они сожгут коня вместе с нами. А твой спонсор будет лить на нас керосин. Комплиментарное интервью — не самый плохой вариант!

Мика усмехнулась.

— Красиво сказано, профайлер. Почти поэтично. Испугалась?

Я не ответила. Страх был слишком примитивной эмоцией для того, что я чувствовала. Это было холодное, ясное осознание тупика. Мы попали в ловушку, и выходов было два: либо играть по их правилам до конца, надеясь найти лазейку, либо поджечь все к чертям, как это всегда делала Мика.

— Завтра будет проводник, — напомнила я. — Нас поведут на экскурсию. Это наш шанс. Постарайся не давить, как за ужином. Смотри и слушай, будь идеальной гостьей!

— Чтобы они расслабились, — кивнула Мика. Она уже строила новый план. — Чтобы показали больше, чем нужно. Да, я поняла. Я буду паинькой. Самой милой, самой восхищенной журналисткой на свете.

Она встала, потянулась, но тень в глазах выдавала напряжение.

— Ладно. Спокойной ночи, Релл. Спи и набирайся сил. Завтра мы идем в самое логово. Посмотрим на их «богатства и дары». — Она замерла у двери. — И, Релл... спасибо, что не сдала меня ещё там, в городе.

Она вышла, не дожидаясь ответа.

Я осталась одна и подошла к окну. В темноте ничего не было видно, только моё отражение в стекле.

16 января, Вальтерсхольм

Утром пришел проводник — молодой парень, лет двадцати с небольшим. Он стоял на пороге, и первое, что бросалось в глаза, — ярко-синяя шапка, кричащая, как вспышка в черно-белом мире Вальтерсхольма. Она выдавала в нем что-то озорное, остаточное, еще не стертое системой. Под ней: забавная стрижка, выбритые виски, непослушные темные пряди. Одет он был во всё черное: куртка, штаны, грубые ботинки. Форма, но с элементом личного бунта.

— Я Лукас. Готов вас сопроводить, — сказал он равнодушно, без сладости Мелании или душевности Ирмы.

Ирма тут же материализовалась рядом с корзинкой, от которой пышно пахло корицей и теплым тестом.

— Это мальчикам передай, — сказала она, суя корзинку Лукасу. Обычная пищевая цепочка: хозяйка кормит проводника, проводник кормит «мальчиков» в резиденции. Система взаимных услуг, и ничего бесплатного.

Завтрак она нам не предложила. Намек ясен: вы уже в пути, уходите.

— Идем, — сказала Мика, энергично натягивая куртку. Её глаза блестели нетерпением. Она была готова к экскурсии, к сбору фактов, к проникновению в логово.

— Вы так идете? — голос Ирмы прозвучал с легкой тревогой. — Просто в одежде, без вещей?

Мика замерла. Я почувствовала, как холодная игла внимания вонзается мне в основание черепа.

— Ну, мы вернемся, — сказала я, прежде чем Мика успела что-то ляпнуть.

Лукас посмотрел на нас. Его взгляд скользнул по нашим небольшим сумкам, оставленным в углу прихожей.

— Планы чуть изменились из-за погоды, — сказал он, и его тон не оставлял места для вопросов. — Вы останетесь в резиденции. Берите всё, с чем приехали.

— Хорошо, сейчас загрузим в машину и поедем, — согласилась Мика.

— Мост не предназначен для машин, это пешеходная зона, машину можете оставить тут!

Мой мозг — профайлер, этот ненавистный, беспощадный механизм, мгновенно проанализировал ситуацию: план изменился без предупреждения, нас мягко, но настойчиво отрезают от гостевого дома, от нашего единственного «нейтрального» места, и лишают пути отхода — без машины далеко не убежать.

Мика промолчала. Она смотрела то на Лукаса, то на Ирму. Ее азарт сменился настороженностью, почти животной. Она тоже почуяла ловушку.

Ирма улыбалась, явно всё знала.

— Да... конечно, — наконец выдавила Мика, стараясь, чтобы в голосе звучала лишь лёгкая досада. — Погода и впрямь нелётная. Сбегаем за сумками.

Мы поднялись вверх. В коридоре, за закрытой дверью, Мика схватила меня за локоть.

— Ты поняла? — прошипела она. — Нас затягивают внутрь.

— Да, — коротко ответила я, вырывая руку. — Меньше свидетелей, больше контроля. Теперь мы застрянем в Вотиве на неопределённый срок.

— Твою мать, — выдохнула Мика. Она бесилась, её план «быть паинькой» летел к чертям, потому что правила игры только что поменяли за её спиной. — Ладно, будем осторожнее.

Мы схватили наши вещи.

Когда мы спустились, Лукас всё так же стоял у двери, держа корзинку с булочками. Его синяя шапка казалась теперь не символом озорства, а одиноким маяком в тумане новых правил.

— Готовы? — спросил он.

Мы кивнули.

Ирма помахала нам с порога, улыбка застыла на её лице, как маска. «Возвращайтесь» — она так и не сказала.

Мика, прежде чем окончательно оторваться от цивилизации в лице гостевого дома, рванула к нашей машине, припаркованной у забора. Она вытащила оттуда еще одну спортивную сумку, набитую неизвестно чем, и с силой сунула её Лукасу.

— Понесёшь, — сказала она, ожидая, как он отреагирует на грубость.

Лукас лишь молча взял сумку, добавив к корзине с булочками. Его лицо не выразило ничего.

Мост Понс Ангастас оказался длинным и очень узким. Двоим на нём с трудом можно было развернуться. С одной стороны перил не было, только низкий, чисто символический бордюр. Конструкция из серого бетона и металла местами поросла инеем. Внизу чернела вода, скованная по краям коркой грязного битого льда. Ветер здесь был злее, пронизывающий, со свистом пролетавший сквозь металлические балки.

Мика съежилась, кутаясь в куртку. Её губы посинели. Я тоже чувствовала, как холод пробирается сквозь все слои одежды, но держалась ровно. Лукасу, казалось, было всё нипочём. Он шагал в своей черной куртке впереди, как робот, лишь ярко-синяя шапка полоскалась на ветру — единственное цветное пятно в этой серой палитре.

Мост был длиной целых пятьсот метров. С каждым шагом гостевой дом, Ирма, весь этот бутфорский «рай» становились меньше, туманнее, нереальнее. А впереди, из тумана, вырастали темные очертания острова и зданий Вотивы.

— Его строил Уотсон? — крикнула Мика поверх ветра.

— Да, — бросил Лукас через плечо, не оборачиваясь.

—Почему такой узкий? Не легче было для машин сделать?!

Лукас на секунду замедлил шаг.

—Я не архитектор, — сказал он.

Я поймала эту фразу. Он не сказал «не знаю». Он отгородился профессией, о которой, скорее всего, не имел никаких знаний. Парню было лет двадцать, от силы. Город основали пять лет назад, а значит, Уотсон строил всё это, когда Лукасу было пятнадцать. О каком университете и о проектировщиках мостов могла идти речь? Правильно, ни о каких!

— А почему так называется? — спросила я, чтобы заполнить гул ветра и посмотреть на его реакцию. Понс Ангастас. Звучало как латынь или исковерканное что-то.

Лукас на этот раз обернулся.

—Мост Узкий, — перевел он просто, как будто это было очевидно. — Так мистер Уотсон назвал. Он же правда узкий.

Мика фыркнула, но фыркание унёс ветер.

Мы шли дальше. Шаги отдавались глухим эхом в металлическом чреве моста. Сумка в руке Лукаса тяжело раскачивалась. Корзина с булочками источала призрачный, нелепый запах дома и уюта, который мы оставили позади.

Я оглянулась. Берег с городом почти скрылся в рваных клочьях тумана, словно его и не было. Только этот мост, уходящий в никуда, и впереди — Лукас в его синей, одинокой, бунтарской шапке, ведущий нас напрямик в пасть к Тому Уотсону и его Чуду.

Мост закончился так же внезапно, как и начался. Один шаг — и под ногами вместо звонкого металла оказалась массивная плитка, уложенная с безупречной геометрией. Туман здесь был гуще, он приглушал звуки, делая мир ватным и нереальным.

Впереди, в серой дымке, вырисовывалось огромное здание. Нечто среднее между монастырем и современным особняком: прямые линии, темное стекло, местами прорезанное светом. Ничего лишнего.

У самого конца моста нас уже ждали.

Пятеро парней выстроились в линию, как почетный караул. Все примерно одного возраста с Лукасом, одеты похоже — темная практичная одежда, но без его синей шапки. Лица молодые, чистые. Каждый, как только мы подходили, застенчиво улыбался и называл свое имя.

— Севастьян.

— Ивар.

— Теренс.

— Ильяс.

— Давид.

Их глаза скользили по нам быстро, чтобы не показать излишнего любопытства.

Лукас молча передал корзинку одному из них, Давиду, а сумку Мики — Ильясу.

— Замерзли, — констатировал Севастьян, его улыбка стала чуть теплее, почти сочувственной. — Сейчас пройдем к огню и согреем вас.

Мы двинулись по плиточной дороге к зданию, окруженные молодыми людьми. Они шли синхронно, как в групповом танце.

Мика шла рядом со мной, её взгляд метался, считывая обстановку. Я видела, как её мозг пытается все классифицировать, и она не выдержала.

— Сколько вас тут живёт? — спросила она Севастьяна, который шёл ближе всего.

— Шестнадцать. И мистер Уотсон, — ответил он без колебаний.

— Мужичий дождь, — просто вырвалось у Мики. Глупая, бытовая фраза, сорвавшаяся с языка от напряжения и абсурдности ситуации: нас встречает отряд одинаковых молодых мужчин в глуши, на краю света.

Парни переглянулись. На их лицах промелькнуло непонимание, а затем — легкая, смущенная усмешка. Они не поняли отсылки или поняли, но не знали, как на неё реагировать.

Их мир, очевидно, был лишён таких грубых, «мирских» выражений. «Мужицкий дождь» не вписывался в их словарь.

Лукас, шедший впереди, обернулся.

— У нас тут свои определения для погоды, — мягко, но твердо сказал Севастьян. — Это снег, а не дождь.

Мы с Микой переглянулись и усмехнулись, понимая, что никто ничего не понял, но продолжили путь, закрыв тему.

Массивные двери из тёмного дерева бесшумно открылись перед нами, пропуская волну приятного тепла.

— Добро пожаловать в Вотиву, — сказал Севастьян, пропуская нас вперед. Его голос прозвучал торжественно.

Я бросила последний взгляд назад, на мост, исчезающий в тумане, и вошла внутрь.

Внутри оказался просторный холл, похожий на лобби дорогого минималистичного отеля где-нибудь в Скандинавии. Высокие потолки, приглушенный свет, запах дорогого одеколона и чистоты.

Мягкий диван угловой формы, обтянутый тканью цвета мокрого асфальта. Камин — длинная горизонтальная ниша в стене, где ровно горели керамические дрова. Телевизор с тонкой, почти невидимой рамкой был вмонтирован в стену над камином. На экране тихо сменялись абстрактные пейзажи: туман над водой, снег на ветвях, плавное течение реки.

Через широкую арку виднелся вход в столовую, а за ней дверь на кухню. Длинный стеклянный стол, дорогие стулья.

Интерьер был выдержан в мягких серых тонах, с вкраплениями тёмного дерева и чёрного металла. Очень стильно. Здесь не было ничего случайного, личного, накопленного. Каждая вещь, каждый оттенок говорил о тотальном дизайнерском контроле.

Парни молча разошлись так же бесшумно, как и появились, растворившись в серых тонах интерьера. Лукас снял свою синюю шапку, и без неё сразу стал похож на остальных — частью серой массы. Он кивнул нам в сторону дивана.

— Присядьте, обогрейтесь. Мистер Уотсон присоединится к вам позже. Сейчас вас разместят, — его тон был вежливым, но отстраненным.

Мика плюхнулась на диван, развалившись с демонстративной небрежностью, которая выглядела кошунством с её стороны. Она провела рукой по ткани.

— Дорого-богато, — проворчала она себе под нос, но достаточно громко, чтобы я услышала. — На какие шиши? На пожертвования идиотов?

Я села рядом, держа спину прямо. Мое тело инстинктивно сопротивлялось этой навязанной расслабленности.

Мы сидели и смотрели, как на экране бесшумно сменялись пейзажи. Бесконечный, бесшумный, идеальный цикл.

Шаги по лестнице прозвучали не сверху, а сбоку, из темного проема, который я раньше не заметила.

Он вошел в светлую зону холла, и картинка снова перевернулась.

Парень был вызывающе красив. Белокурые волосы, уложенные слегка небрежно, обтягивающий черный свитер, подчеркивающий худощавое, но подтянутое телосложение, и пирсинг — тонкая серебристая штанга в углу нижней губы. Он был иконой стильного, немного циничного урбаниста, затерявшего в этой пустыне минимализма. Он выглядел как самый неподходящий человек в этом месте.

— Я Адам, — сказал он, и в его голосе не было ни тени застенчивости. — Лучшие комнаты готовы.

Его взгляд скользнул по Мике — оценивающе, без тени того подобострастия или насто-роженности, что были у других. На мне он задержался чуть дольше. В его светлых глазах, холодных и внимательных, читался неподдельный интерес.

— Все парни живут на втором этаже, — он махнул рукой куда-то за спину. Жест был легким, почти пренебрежительным. — Но вас поселим на третьем. Чтобы никто не мешал.

Он сделал паузу, дав нам прочувствовать двойной смысл и особые условия для особых гостей, которых нужно держать подальше от стаи.

— Если что-то нужно — одежда, средства гигиены — все вам выдадим, — он подчеркнул «выдадим». — Вы можете отдохнуть до обеда. А после ужина будет встреча с отцом.

Мика, которая до этого момента молча переваривала обстановку, не выдержала. Ее внут-ренний манометр давления достиг критической отметки. Вся её тактика «быть пайнкой» испа-рилась перед этим насмешливым, пирсингованным воплощением всего, что она ненавидела — холодной, контролируемой уверенности.

— Встретится? — она сделала шаг вперед, ее голос зазвенел фальшивой, журналистской живостью, которую она включала для камер. — Отлично! А можно заранее знать тему, чтобы подготовиться? Или это будет импровизационная беседа? И где проходит эта встреча? Здесь, у камина? И почему именно третий этаж, а не тоже второй? Чтобы мы действительно никому не мешали? Или чтобы нам никто не мешал? Это ведь разница, правда?

Она выпалила вопросы скороговоркой, не давая ему вставить слово, пытаясь захватить инициативу и сбить его с этой холодной, уверенной позиции. Её глаза горели азартом боя.

Адам слушал, не двигаясь. Его лицо оставалось непроницаемым, лишь в уголках губ, рядом с пирсингом, дрогнула едва уловимая гримаса лёгкого раздражения, быстро подавлен-ного. Он выглядел так, будто наблюдал за надоедливой, но неопасной мухой.

Когда Мика закончила, в тишине холла на секунду повисло только шипение ненастоя-щего огня.

— Тему определит отец, — ответил Адам с ледяной вежливостью, которая была острее любой грубости. — Место определит отец. Что касается этажа, — он медленно перевёл взгляд на меня, будто ища более адекватного собеседника, — здесь любят порядок. Гости — на тре-тьем. Семья — на втором. Персонал — на первом. Всё на своих местах. Это помогает избежать недоразумений.

Он сказал «недоразумения», но было ясно, что имел в виду «проблемы».

— Лукас! — позвал Адам, не повышая голоса.

Лукас появился в арке, ведущей в столовую, словно стоял там всё это время на дежурстве.

— Покажи дамам их комнаты, — сказал Адам и, кивнув нам уже чисто формально, раз-вернулся и пошел прочь. Его шаги снова застучали по лестнице, на этот раз вниз, в подвал.

Мика смотрела ему вслед, сжав кулаки. Её щеки горели от злости и беспомощности. Она пыталась вскрыть его, как консервную банку, а он оказался тефлоновым.

Лукас жестом пригласил нас следовать и повел за собой на третий этаж.

Глава 3. Разлив

Комната оказалась прекрасной, если твоя эстетика — стерильная красота санатория для элиты. Всё было выдержано в том же стиле: светлое дерево, серый текстиль, безупречные линии. Ничего лишнего. Даже картина на стене была абстрактным пятном серо-голубого цвета, сливающимся со стеной.

Мика, войдя в комнату, громко заявила, что «эта цирковая хрень» её вымотала, и она идёт спать. Дверь захлопнулась. Я слышала, как она ворочается, пытаюсь обжить это нежилое пространство своим хаосом.

Я тоже хотела прилечь. Сбросить напряжение с плеч, с глаз, с того самого внутреннего профайлера, который без остановки сканировал каждую деталь, каждую интонацию. Но сон не шёл. Он был где-то там, за толстым стеклом тревоги.

Я встала. Босиком прошла по прохладному полу к двери, ведущей в ванную комнату, и открыла её.

Здесь стиль был другим. Роскошь прорывалась наружу: большая угловая ванна из тёмной, почти чёрной матовой дорогой керамики. На контрасте со светлыми стенами она выглядела как дыра в полу, портал куда-то. Раковина и смеситель — матовый чёрный металл сложной, футуристичной формы. Всё это стоило безумных денег и было безупречно чистым, как будто им никогда не пользовались.

Я потрогала край ванны. Керамика была холодной и идеально гладкой. Ни пылинки, ни развода. Как в музее современного искусства, где экспонат под табличкой «Не прикасаться».

Я повернула массивный рычаг смесителя. Он подался бесшумно, с идеальным сопротивлением. Сначала полилась ледяная вода, чистая, без запаха. Потом, с небольшой задержкой, горячая. Пар начал стелиться над черной гладью. Я не стала добавлять пену или масло — их не было в поле зрения, и просить у Лукаса «средства гигиены» для ванны казалось унижительным.

Я наблюдала, как пар заволакивает холодное зеркало, стирая мое отражение. Сняла с себя одежду, оставшись в нижнем белье, и пока ванна набиралась, я вернулась в комнату и достала телефон.

На прикроватном столике в простой деревянной рамочке стояла аккуратная табличка. «Wi-Fi: Votiva. Пароль: letmeinplease». Я подключилась. Сеть поймалась мгновенно, сигнал полный. Иконка загорелась уверенной галочкой.

Я открыла браузер. Строка поиска зависла. Кружок загрузки просто вращался, не подключаясь. Страница не открылась. Попробовала мессенджер — то же самое. Карты, почта — белый экран или бесконечное ожидание. Сеть была иллюзией: подключение есть, а доступа нет.

Я выключила Wi-Fi, перешла на мобильную сеть. Одна полоска. Страницы снова не грузились, иконка телефона была активна только для звонков. Старый добрый аналоговый способ связи, который не заблокировать простым файрволом. Они контролировали данные, но, видимо, сочли голосовые вызовы достаточно безопасными. Или просто не могли отключить их физически.

Я просмотрела контакты и остановилась на имени: Кевин. Единственная ниточка, связывающая прошлое с настоящим. Друг по несчастью. Брат погибшего, который теперь носил форму и тихо ненавидел меня за то, что я выжила, когда его брат — нет. Наша связь была вынужденной, пронизанной взаимными упреками и странной ответственностью. Но он был там, снаружи, и только он знал, куда и зачем я поехала.

Я нажала кнопку вызова. Гудки прозвучали странно и с эхом, будто сигнал пробивался сквозь толщу воды.

— Алло? — его голос был грубоватым.

— Кевин, мы приехали в... — я запнулась на секунду, мой взгляд упал на серые стены, на идеальный порядок, — ...в место. Ты знаешь, что делать.

Я не сказала «помоги» или «спаси». Наш код был прост: если я звоню и говорю эту фразу, значит, все идет не по нашему хлипкому, авантюрному плану с Микой. Значит, нужен внешний наблюдатель. Человек, который отметит дату и время и начнет задавать вопросы, если мы пропадем.

На той стороне наступила пауза. Я слышала, как он перекладывает трубку, отдаленные звуки офиса, клацанье клавиатуры.

— Всё хорошо? — спросил он наконец, с профессиональным, полицейским интересом. — Ты уже адепт секты? Пьёшь их нектар и веришь в чудо?

Его язвительность была предсказуемой защитной реакцией. Ему было проще злиться, чем признать, что он волнуется. Или что я снова полезла туда, куда не надо, как и в тот раз.

— Нектар ещё не предлагали, — ответила я ровно, игнорируя укол. — Wi-Fi есть, но интернета нет. Мобильная связь — только звонки. Нас разместили в главном здании. Изолированно. Сегодня будет встреча с основателем.

Я говорила коротко, сухо, как доклад, давала ему факты, а не эмоции. Эмоции он всё равно не принял бы.

— Изолированно, — повторил он. — Релл, если там что-то такое, если почувствуешь, что что-то не так, хватай свою истеричную подружку и вали оттуда. Мост, машина, и к чёртовой матери. Понимаешь?

— Понимаю, — сказала я, глядя на свою дверь. Прочная, деревянная и без ключа снаружи. «Если что-то нужно — все вам выдадим». Включая, видимо, разрешение на выход. — Но пока всё в рамках... гостеприимства.

— Гостеприимства, — он фыркнул. — Ладно. Я занёс в журнал твоё местоположение, оно еле-еле ловится, но ловится. Остров, да? Я записал. Через сорок восемь часов без весточки начну шевелиться. Раньше — не могу, формально нет повода. Ты же вроде как по своей воле там.

«По своей воле». Да, я сама согласилась на эту авантюру. Сейчас это ощущалось как самое глупое решение в моей жизни.

— Спасибо, Кевин.

— Не за что, — отрезал он. — Береги себя. Ради него.

Он положил трубку, не попрощавшись. «Ради него». Всегда этот последний удар. Напоминание о моем долге, о вине, которая висит на мне, как свинцовый плащ.

Я опустила телефон. Гул в трубке сменился гулкой тишиной комнаты. Звонок не принес облегчения, а только подчеркнул нашу изоляцию. Кевин был где-то там, в столице, с ее шумом и бюрократией. Он мог «шевелиться» через двое суток. За двое суток в этой стерильной, контролируемой среде могло произойти что угодно.

Я положила телефон обратно на тумбочку, рядом с рамочкой с паролем от сети-призрака, и прилегла на кровать. Просто упала на спину, положив руку на лоб, прикрыв глаза. Давящая усталость накрыла с головой. Мир сузился до темноты под веками, до звука собственного дыхания и далекого, почти неслышного гула тишины.

Казалось, прошла минута. Может, две.

Глухой, но настойчивый стук в дверь вернул меня в реальность. Я открыла глаза. Потолок был все тем же серым полотном. Свет из окна стал другим — более ярким.

Я поплелась к двери, ноги были ватными. Не глядя, повернула ручку и открыла.

В проёме стоял парень. Высокий и красивый, не такой, как Адам. Его красота была другой: хрупкой, почти болезненной и оттого леденящей.

Лицо овальное, с четкими, но не резкими скулами и высоким, чистым лбом. Глаза — светло-серые, почти прозрачные, как осколок льда, сквозь который видно пасмурное небо. Взгляд был прямым, но немного усталым.

Длинные, темно-каштановые, чуть волнистые волосы ниспадали чуть ниже шеи. Они выглядели мягкими, но были собраны небрежно, как будто ему всё равно на свою причёску.

Он был одет, как все тут, в темное, но на нём это сидело как вторая кожа. Он казался смущённым и недовольным одновременно. Лёгкий румянец на скулах, чуть опущенные ресницы и едва сжатые губы подчёркивали скулы.

— Я пройду.

Прежде чем я успела что-то сказать или отступить, он, без спроса, плавным, уверенным движением убрал мою руку с ручки двери. Его холодные пальцы коснулись моей кожи лишь на миг. Он аккуратно отстранил меня и прошел в комнату.

Я обернулась, ошеломленная. Его внимание было приковано к открытой двери ванной. Он уверенно прошел туда и замер на пороге.

Только тогда я увидела и услышала тихий, настойчивый звук льющейся воды. Весь пол был мокрым.

Я подошла ближе, заглянула ему за плечо.

Вся ванная комната была в воде. Черная керамика пола исчезла под блестящей, дрожащей лужей. Вода перелилась через край переполненной ванны и медленно, но верно, растекалась, уже подбираясь к порогу. Полотенца на полу промокли и потемнели. Зеркало было полностью запотевшим, и с него стекали ручейки.

Я закрыла глаза не на минуту — я вырубилась почти на час.

Парень, не говоря ни слова, снял свои чёрные кеды, оставив их у порога, и в белоснежных носках шагнул в воду. Он двинулся к ванне, выключил воду. Потом наклонился и с некоторым усилием вытащил из стока ванны затычку. вода с глухим бульканьем и свистом начала уходить.

Он стоял посреди лужи в носках, смотря, как уровень воды падает. Казалось, его совершенно не беспокоила промокшая одежда или неловкость ситуации.

Потом он повернул ко мне голову, и его стеклянные глаза встретились с моими.

— Я твой сосед снизу, — сказал он просто.

Он открыл шкаф и достал свернутый, идеально чистый коврик из микрофибры. Опустился на корточки прямо в луже и начал протирать пол. Движения были методичными, почти медитативными: впитывал, отжимал в раковину, снова впитывал. Он работал как настоящий сотрудник клининговой компании.

Я стояла в дверях завороченная. Смотрела, как его длинные темные волосы падают на лицо, как работают мышцы спины под тонкой темной тканью свитера. Совершенно забыла, что могу помочь. Забыла вообще все: где я, зачем, почему здесь этот странный, красивый человек. Забыла даже...

Холодный воздух из комнаты коснулся кожи: и только тогда я осознала, что стою в одном нижнем белье. Просто сняла всё перед тем, как лечь в ванну, и так и не надела обратно, рухнув на кровать. Легкие кружевные трусики и тонкий бюстгальтер — абсолютно не подходящая униформа для встречи с послушником секты в переполненной ванной.

Казалось, он тоже этого не замечал. Его взгляд был прикован к мокрому полу, к движению коврика, к исчезающей воде. Я была для него не женщиной, а частью обстановки, источником проблемы, которую теперь нужно было ликвидировать. Его прозрачные глаза скользили мимо меня, не задерживаясь и не фокусируясь.

Он протёр последний угол, отжал коврик, повесил его аккуратно на край ванны. Проблема была решена. Он встал, его носки хлюпали. И только тогда, поднимая голову, он наконец-то наткнулся на меня. Он прошелся взглядом снизу вверх: от мокрых, босых ступней — по голым ногам, выше и выше... и остановился.

Это длилось долю секунды.

Его лицо, бледное и застывшее, вспыхнуло алым, густым румянцем, который залил щеки, шею и даже уши. Его стеклянные глаза расширились, в них промелькнула паника. Он был похож на подростка, которого выдернули из безопасного, понятного мира и столкнули с чем-то непредсказуемым и обнаженным.

Он не сказал ни слова, просто решил бежать.

Одно мгновение — и он рванул с места, проскочив мимо меня в дверях так быстро, что я почувствовала порыв воздуха. Он даже не потянулся за своими кедами, оставленными у порога ванной. Промокшие носки шлёпали по деревянному полу комнаты, затем по коридору. Дверь в коридор захлопнулась с мягким, но окончательным щелчком.

Я осталась стоять одна посреди восстановленного порядка. Ванная была сухой. Пол — чистым. Пахло сыростью, а на полу у порога валялась мокрая обувь.

Я медленно подошла к кедам. «True Religion», ну конечно, кожаные, практичные, поношенные. Я потрогала один носком босой ноги. Он был холодным и мокрым.

Я подняла их и поставила аккуратно у стены, рядом с дверью. Возвращать сейчас было бы неправильно. Это была бы провокация.

Закрyla дверь в ванную и, наконец, надела халат, висевший на крючке.

В таком виде я постучалась к Мике. Три коротких стука.

— Входи, если ты не зомби, — донеслось из-за двери.

Она сидела на кровати, скрестив ноги, и яростно тыкала в экран телефона, будто пыталась пробить его лбом. Её лицо было бледным от злости.

— Засада, — выдохнула она, не глядя на меня. — Полная Wi-Fi фикция. Я спонсору не могу написать, сообщения не идут. И есть хочется чертовски.

— Спустимся? — спросила я, кивнув в сторону коридора. — Может, на кухню? Или они где-то перекусывают?

— Нет, — она резко отбросила телефон на подушку. — Будем сидеть. Подождем до ужина. Не буду я тут унижаться и просить бутерброд, как голодный щенок. Надо отдохнуть и собраться. Этот проклятый мост... он меня вымотал.

— Я тут немного напакостила парню снизу, — призналась я, прислонившись к косяку.

Мика медленно перевела на меня взгляд; в её глазах появился хищный интерес.

— И? — протянула она. — Ты его с лестницы толкнула? Облила святой водичкой? Рассказывай.

— Уснула, и ванна перелилась. Он пришел, вымыл полы и убежал, оставив свои кеды.

В комнате воцарилась тишина. Мика переваривала информацию. Её мозг, всегда ищущий сенсационный угол, начал скрипеть.

— Пришел сам? Как узнал? — она привстала на коленях.

— Постучал. Сказал, что «сосед снизу». Видимо, услышал, или вода уже потекла по потолку.

— И вымыл сам? Не позвал уборщиц или своих братьев-роботов?

— Сам. Молча. И профессионально.

— И оставил кеды... — Мика прищурилась. Она слезла с кровати и начала расхаживать по комнате, жестикулируя и смеясь. — Это не по сценарию! Робот должен был доложить о проблеме, и ему должны были выдать нового уборщика. А он пришёл, лично убрал и в панике сбежал, забыв обувь. А сбежал почему?

— Я была в одних трусах, разделась перед ванной!

Мика искренне засмеялась.

— Релл, это же треш-ситуация, испугался голой тётки! Или... — она остановилась передо мной, прищулив взгляд, — ...ты произвела на него впечатление?

— Он покраснел и сбежал, — сказала я сухо. — Возможно, он просто никогда не видел женщину в нижнем белье.

Мика замерла, её глаза округлились, и она снова рассмеялась.

— Ах, вот оно что! Девственник! Натуральный, ранимый, сексуально необразованный юнец в логове мистического культа! О, это просто подарок! Это наша первая ниточка, Релл! Не Адам с его пирсингом и высокомерием. Не этот Лукас-солдафон. А этот... он, кажется, уязвим. У него есть эмоции, и ими можно играть.

— Мика, ему лет двадцать пять на вид, — предупредительно сказала я.

— Не надо, не говори. Я знаю, что ты думаешь. Что это неэтично. Но мы не на пикнике, а в осаде. Если у нас есть слабое звено в их цепи, мы обязаны его использовать. Не для разврата, конечно! Он может что-то знать, и красивая полуголая девушка с радостью вытянет всю информацию!

Она снова схватила телефон, но теперь для того, чтобы что-то записать в заметки. Её пальцы летали по экрану.

— А как он на внешность? — бросила она, не отрываясь.

Я вздохнула.

— Высокий. Длинные темные волосы. Светло-серые глаза. Лицо... скорее красивое, чем нет, и очень отстраненное. Пока не покраснел.

— Хм, — Мика что-то строчила. — Ладно. Пока отложим. Но держи его в поле зрения. Если заговорит, веди себя... нейтрально-доброжелательно. Не пугай. Адам пусть будет моей мишенью, а этот — твой.

— Я пойду, — сказала я, чувствуя внезапную усталость.

— Да, иди и отдохни. К ужину будь в форме, — она уже снова уткнулась в телефон, строча план.

Я вышла в коридор, тихо прикрыв за собой дверь. В тишине третьего этажа стояли только его мокрые кеды у моей двери — свидетельство паники. И будущий объект манипуляции в глазах Мики.

Я взяла их и поставила ещё аккуратнее, в тень. Прятать смысла не было — он всё равно знал, где они.

Я вернулась в свою комнату и снова легла. Но теперь перед глазами стояло не только его вспыхнувшее лицо, но и горящие азартом глаза Мики.

К ужину мы не подготовились. Вернее, подготовились диаметрально противоположно. Я, следуя завету Мики «выглядеть беззащитно-привлекательно, чтобы расслабить их бдительность», надела короткую черную юбку, обтягивающий свитер с глубоким декольте и накрашилась.

А вот она была просто в объемной толстовке и потрепанных джинсах, волосы собраны в небрежный пучок.

— Ты чего? — спросила я, окидывая её взглядом. — Как же дресс-код? Ты же говорила...

— Так я его и выполняю, милая паинька, — она ухмыльнулась, поправляя манжет. — Сама непосредственность. Непричёсанная, натуральная, честная журналистка, которую не волнуют условности. А ты — загадочная и привлекательная художница, ищущая вдохновение. Работаем на контрасте. Запутываем карты.

Логика в этом была извращённая, но была. Она создавала два разных типажа, чтобы посмотреть, на какую приманку клюнут, или чтобы сбить их с толку.

Столовая оказалась просторной и аскетичной. Длинный стеклянный стол, способный усадить двадцать человек, но стульев было всего десять. Пять из них уже были заняты.

На столе стояла еда. Много еды: запечённое мясо с овощами, салаты в больших мисках, тёмный хлеб, сыры. Всё выглядело сытно и по-домашнему.

Из пяти сидящих за столом я узнала лишь одно лицо — Севастьяна. Он сидел во главе, но не на самом почётном месте, а слева от него. Остальные четверо были незнакомыми лицами.

Когда мы вошли, все пятеро встали, а Севастьян вышел вперед.

— Добрый вечер. Прошу. — Он отодвинул два стула друг напротив друга.

Мы сели, и он вернулся на свое место. Наступила тишина, нарушаемая лишь тихим звоном приборов. Никаких приветственных тостов.

Затем Севастьян снова встал. Он взял большую сервировочную ложку и начал обходить стол, как хозяин, угощающий гостей. Молча он клал каждому из своих ребят, а затем и нам, аккуратные, одинаковые порции мяса и гарнира.

Когда он закончил и сел, он наконец заговорил, глядя на тарелку перед собой, а не на нас:

— Мистер Уотсон приносит извинения. Он чувствует недомогание. Адам сопровождает его, и они присоединятся позже, если смогут.

Мика, игравшая «непосредственность», тут же вклинилась:

— О, надеюсь, ничего серьезного? Может, нужна помощь? У меня с собой есть кое-какие препараты...

— Нет, — отрезал Севастьян, поднимая на неё взгляд и выстраивая вежливый ледяной щит. — Всё под контролем. Пожалуйста, кушайте, еда остывает.

Он взял вилку и нож и начал есть. Остальные четверо последовали его примеру.

Мы с Микой переглянулись. Я взяла вилку. Мясо было вкусным.

Ужин проходил в почти полной тишине.

— Вы всегда такие... молчаливые? — вдруг завел разговор парень справа.

Мика, чье терпение лопнуло от тишины и одинаковых порций мяса, не заставила себя ждать.

— Нас не заткнёшь, — парировала она с вызовом, но с той же наигранной лёгкостью. — Нам всё интересно. Особенно здесь. — Она обвела взглядом стол, и её глаза загорелись тем самым профессиональным, хищным блеском, который я знала слишком хорошо.

— Например? — подключился другой парень, сидевший слева от Севастьяна. У него были мягкие черты лица и очень светлые, почти белые ресницы. Он выглядел моложе других.

— Расскажите, как живете? — налегала Мика, целясь в него взглядом. — Вам тут нравятся? Не скучно? После большого города?

Парень замаялся, бросил быстрый взгляд на Севастьяна. Тот едва заметно кивнул, разрешая.

— Мне очень нравится, — начал он, и его голос был тихим, но искренним. — Здесь никто не кричит, никто не требует быть кем-то другим. В городе я всегда чувствовал себя неправильным. А здесь я на своем месте.

И понеслось, как будто открыли шлюз.

Другой, с упрямым подбородком, подключился:

— Да, здесь все по правилам. Я знаю, что буду делать завтра, через неделю. Никакой пустой суеты. Каждый день имеет смысл.

Третий, самый щуплый, с горящими глазами:

— И здесь есть цель! Не просто заработать, купить машину, потом другую, а что-то большее. Мы — часть чего-то важного, что мы строим.

— Строим? — мгновенно ухватила Мика. — Что строите? Кроме зданий, я имею в виду.

Наступила пауза. Они переглянулись. Севастьян мягко, но твердо вмешался:

— Мы строим новую модель общности, где ценность человека — не в том, что у него есть, а в том, что он собой представляет. В его чистоте намерений.

Это была готовая, отполированная фраза, и она сработала как сигнал. Парни снова оживились, но теперь их речи стали более слаженными, почти хоровыми.

— Да, мы учимся быть полезными, — сказал первый.

— И понимать друг друга без слов, — добавил второй.

— И ждать. Терпеливо ждать, — сказал третий.

Они говорили наперебой, но их слова не противоречили друг другу. Они дополняли друг друга, как кусочки мозаики, собранной заранее. Это была демонстрация продукта под названием «Наша счастливая жизнь», и они были живыми брошюрами.

Я слушала, в основном молча, наблюдая. Их язык был беден конкретикой, но богат абстракциями: «покой», «смысл», «цель», «чистота». Это язык тотальных систем, религий, идеологий. Он заменяет сложность мира простыми, успокаивающими концепциями. «Неправильное» там, на воле. «Правильное» — здесь.

Они не рассказывали анекдотов, не вспоминали детство, не говорили о книгах или фильмах, их биографии начинались с «до» (плохо, одиноко, бессмысленно) и переходили в «после» (хорошо, братство, цель). У них не было прошлого. Только конверсия.

И ни один из них не упомянул Чудо напрямую. Но оно витало в каждом слове. Оно и было этой «целью», этим «чем-то большим», ради чего стоит терпеливо ждать.

Мика кивала, делая вид, что увлечена, задавала уточняющие вопросы, на которые они отвечали общими фразы. Она ловила рыбу в аквариуме, где рыбы были нарисованы на стенках.

Севастьян наблюдал за этим с той же мягкой, одобрительной улыбкой. Он был режиссером этого спектакля. Он дал им высказаться ровно настолько, чтобы создать иллюзию открытости, но не допустил ни одной рискованной детали.

Ужин подошёл к концу. Порции были съедены, а презентация завершена.

Севастьян встал.

— Спасибо за беседу. Если у вас нет вопросов, отбой в десять. Утром Лукас зайдет за вами и всё покажет.

Мы поднялись в свои комнаты. Мика, войдя в мою, тяжело выдохнула.

— Зомби. Искренние, счастливые зомби. Им промыли мозги до дыр. Ни одной зацепки, только шаблоны.

— Зацепка в том, кого они не пустили к ужину, — тихо сказала я.

Она посмотрела на меня, и в ее глазах снова вспыхнул интерес.

— Твой застенчивый уборщик? Да. Завтра ищем его, но осторожно.

Она ушла к себе. Я приняла ванну, потом почитала книгу и проверила кеды — они все еще стояли у моей двери.

Глава 4. Под стеклянным куполом

17 января, Вальтерсхольм

Утром Лукас разбудил и меня, и Мику настойчивым стуком в дверь.

Я спустилась вниз первой. Холл был залит холодным серым светом, проникавшим сквозь высокие окна. Искусственный камин был выключен, телевизор тоже.

Лукас стоял у арки, ведущей на кухню. Без своей синей шапки, что делало его моложе и строже. В темной футболке и штанах. Он выглядел выспавшимся, но не отдохнувшим.

— Чем хочешь позавтракать? — спросил он вежливо.

— Без разницы, — ответила я, пожимая плечами, проверяя границы: будет ли настаивать, чтобы я выбрала или сам решит?

Он кивнул, как будто и ожидал такого ответа.

— Я плохой повар, — признался он, и в его голосе впервые прозвучала легкая, почти человеческая нота.

— А я хороший, — сказала я, не задумываясь. Инстинктивная реакция — предложить помощь там, где видишь некомпетентность.

Но Лукас отреагировал иначе. Его лицо на миг просветлело, в глазах мелькнуло облегчение.

— Это прекрасно. Спасибо, — сказал он искренне. — Пожарим омлет. Я хоть яйца разбить могу.

Он повернулся и пошёл на кухню, явно ожидая, что я последую за ним, что я и сделала.

Кухня была большой, функциональной, стерильно чистой. Всё блестело: ни следов прошлых трапез, ни запахов еды.

— Хорошо, — сказала я, оглядываясь в поисках холодильника. — Где остальные?

— Заняты работой, — ответил Лукас, открывая огромный холодильник, забитый аккуратными рядами одинаковых продуктов. — Здесь ранний подъем в семь.

— Значит, ты ещё не завтракал? — уточнила я, беря у него из рук коробку с яйцами.

— Нет, спал. Я же вас сопровождаю, — он пожал плечами, как будто это было очевидно. Его график был подстроен под наш. Мы — приоритет или проблема, требующая отдельного ресурса?

Я нашла сковороду, масло и приступила к делу. Механические движения успокаивали.

— А что за работа? — спросила я, разбивая яйца в миску.

— Зависит от талантов, — ответил Лукас, наблюдая за мной. Он стоял прямо, руки за спиной, почти по стойке «смирно». — Кто-то пишет картины. Кто-то занят механикой, в гараже. Кто-то в теплицах. Уборка, конечно, общая.

Картина прояснялась. Не монастырь с молитвами, а нечто вроде коммуны или... мастерской. Каждый вносит вклад согласно своим навыкам — утопия разделения труда.

— А учеба? Университет? — Я взбивала яйца венчиком, глядя на него. — Сколько тебе?

— Двадцать два, — ответил он без колебаний. — Я закончил колледж, если ты об этом. — Он сделал паузу, и его следующая фраза прозвучала с редкой для него убежденностью, почти догмой: — Университет не может научить ничему.

Это была не его мысль. Он посмотрел в верх, выуживая оттуда эту заученную фразу.

Я вылила смесь на разогретую сковороду. Зашипело.

— И какая у тебя профессия? — спросила я, переворачивая омлет.

Лукас помолчал. Казалось, он решал, насколько полным должен быть ответ.

— Сопровождение, — сказал он наконец. И, глядя прямо на меня, добавил, его взгляд стал чуть острее: — И безопасность.

Омлет почти готов.

Я переложила его на тарелку, нашла в шкафу соль и перец.

— Готово, — сказала я, протягивая ему тарелку.

Он взял и радостно кивнул.

— Спасибо. Ты правда хороший повар. — Он отнёс свою тарелку к кухонному острову и сел.

Мы едва принялись есть, как появилась Мика.

— Вкусно пахнет, — отметила она, широко зевнув. Её волосы были растрепаны, на лице следы сна, но глаза уже сканировали обстановку, оценивая Лукаса и меня за столом. — Это омлет? Гениально. Умираю от голода.

Она плюхнулась на свободный стул рядом со мной, не дожидаясь приглашения. Её энергия, грубая и неряшливая, ворвалась в стерильную атмосферу кухни, как сквозняк.

— О чем болтаете? — спросила она, разламывая свою порцию омлета вилкой.

— О профессии Лукаса, — ответила я, отпивая воду. Следила за его реакцией.

Лукас, доедавший последний кусок, замер. Легкий румянец тронул его скулы. Он смутился.

— И кто он по профессии? — наклонилась к нему Мика, подперев подбородок. Ее тон был игривым, почти снисходительным. — Кем станет, когда вырастет? Пожарным? Космонавтом?

Она говорила с ним, как с ребенком. Проверка на стрессоустойчивость. Удар ниже пояса.

Лукас медленно положил вилку. Его лицо снова стало каменным, но в глазах загорелись крошечные, холодные огоньки.

— Мне двадцать два, — сказал он, чётко и отчеканивая каждое слово. — И я буду военным, когда вырасту.

Он сделал ударение на «буду». Как будто его нынешнее состояние — лишь подготовка. Возможно, для какой-то большей цели, о которой мы не знали.

— Мило, — отмахнулась Мика, её интерес угас так же быстро, как и возник. Военный не вписывался в её нарратив о «секте изобилия и чудес». Слишком приземлённо, слишком обычно. Она откусила омлет. — А журналистом здесь кто-нибудь вырастет?

Вопрос был брошен небрежно, с налётом сарказма. Но он был ключевым, она проверяла, как здесь относятся к её роду деятельности.

Лукас не моргнул.

— Нет. Журналисты, как и риелторы, не в почёте.

Его ответ был плоским. Риелторы — паразиты, торгующие чужим пространством. Журналисты — паразиты, торгующие чужими историями. Оба — из мира, построенного на спекуляции и лжи, мира, который они здесь отвергли.

Лицо Мики на мгновение исказила гримаса. Её задело: её священная корова была названа грязным словом.

— А хореографы? — спросила я, чтобы сменить тему и дать ей оправиться.

Лукас перевёл на меня взгляд. Его выражение смягчилось на градус. Почти незаметно.

— В почёте, — сказал он просто. — Творчество, дисциплина тела, красота движения — это всегда ценно.

Он разделял профессии на чистые и нечистые, на созидательные и паразитические. И я, по счастливой случайности оказалась на правильной стороне баррикад. Журналист — нет. Это объясняло прохладное отношение к Мике с самого начала и более терпимое ко мне.

Мика это тоже уловила. Я видела, как она сжала вилку. Её отнесли к категории нечистых. Её план «непосредственности» дал сбой — её суть, профессия журналиста, была здесь табу.

— Забавная система ценностей, — пробормотала она себе под нос, но достаточно громко.

Лукас проигнорировал. Он встал и быстро собрал тарелки.

— Когда будете готовы, мы начнём экскурсию. Я буду ждать в холле.

Он вышел, оставив нас одних на кухне.

— Видела? — прошипела она. — Я для них грязь. А ты — цветочек. Это надо использовать.

— Использовать как? — спросила я, хотя уже догадывалась.

— Ты теперь задаёшь вопросы, на которые я не могу ответить, — произнесла она. — А я буду их раздражать.

Это был старый, как мир, приём «хороший полицейский, плохой полицейский». Только в нашей версии я была «хорошим, творческим полицейским», а она — «плохим, врущим журналистом». Её план обретал форму, уродливую, но логичную.

— Ладно, — сказала я, вставая и принимая правила игры, которые она только что установила. — Но будь осторожна. Если журналисты не в почёте, то активное противодействие им может быть каким угодно.

— Пусть попробуют, — уверенно усмехнулась Мика. — У меня есть козыри, и спонсор, и твой друг-коп на связи. Это не нас с ними заперли, это их заперли с нами.

Она сказала это, но мы обе знали, насколько хрупка эта защита. Спонсор мог отречься. Кевин был далеко. А мы здесь, в логове, где наши профессии были либо приемлемы, либо прокляты.

Мы вышли в холл. Лукас ждал, стоя у двери.

Он провёл нас по всем разрешённым зонам здания. Это был своего рода идеальный тур. На второй этаж, с белыми, безликими стенами и закрытыми дверями, мы не попали ни в одну комнату. Он просто показал коридор, как будто сам факт его существования был достопримечательностью. «Здесь живут братья». Точка.

Потом повёл в подвал — огромное, освещённое пространство, разделённое на зоны. С одной стороны — современный, хотя и пустой спортзал. Тренажеры блестели девственной чистотой. С другой — домашний кинозал с несколькими рядами мягких кресел и огромным экраном. И наконец, отдельное помещение — погреб: стеллажи из тёмного дерева, уставленные бутылками. Много коллекционного, хорошего крепкого вина, преимущественно красного.

— Моя страсть, — прошептала Мика, и в её голосе зазвенела неподдельная, почти детская жадность. Она подошла к стеллажу, проводя пальцами по пыльным горлышкам.

— Возьми любую, — предложил Лукас, стоя сзади. Его голос был нейтральным, но в предложении сквозила проверка: возьмёт ли? Насколько жадная? Насколько не контролирует свои желания?

— Возьму, — тут же ответила Мика, без тени сомнения. Она вцепилась в первую попавшуюся бутылку с мрачноватой этикеткой и вытащила её.

Лукас кивнул, не комментируя. Ее реакция была внесена в протокол.

— Дальше нужно выйти на улицу, — предупредил он. — Там мороз. Одевайтесь теплее. Мы поднялись наверх, надели куртки.

— А чудо будет? — спросила я, застёгивая молнию.

Лукас встретил мой взгляд, он был готов к этому вопросу.

— Да. Наши горячие источники. Проведу вас и туда.

Мы вышли на улицу. Мороз ударил по лицу, обжигая лёгкие. Мы шли за Лукасом по расчищенным дорожкам мимо заснеженных елей, к краю леса, где из-под земли клубился густой, молочно-белый пар.

Источники оказались не дикими котлами, а аккуратными каменными чашами, встроенными в ландшафт. Несколько из них были пусты, в одном плескался кто-то из парней — мы видели лишь тёмные волосы на поверхности воды. Он не обернулся. Лукас провёл нас по деревянным мосткам, показывая, как из расщелин в скалах бьёт горячая вода, как она наполняет бассейны. Всё было чисто, продумано, безопасно. Природный спа-комплекс высшего класса.

Мика не выдержала.

— Это всё? — вырвалось у неё. Голос сорвался от холода и разочарования. — Чудо — источники? Серьёзно? Горячая вода в земле — это чудо? Да их в Исландии на каждом шагу!

Лукас остановился и медленно обернулся.

— Нет, — сказал он тихо, но так, что его было слышно даже поверх шума воды. — Источники не чудо. Это подарок земли. Приятный бонус.

Он сделал паузу, глядя на нас поочерёдно. Пар из его рта смешивался с паром от воды.

— Чудо — это то, что происходит с человеком в источниках.

— Слушай, парень, — набросилась Мика, не дав Лукасу отойти от источников. Она повернулась к нему, загораживая путь. Её лицо, покрасневшее от мороза, исказила гримаса чистого, неподдельного презрения. — Люди продают квартиры, бросают работу и едут в ваш затхлый городишко, чтобы что? Покупаться в водичке горячей? Ты серьёзно это называешь чудом? Это же туристическая достопримечательность второго сорта! Да за такие деньги можно на Мальдивах греться!

Её грубые слова ударили по стерильной тишине леса, отскочили от камней. Лукас замер. Его обычно спокойное лицо дрогнуло. Мика ткнула пальцем в самое слабое место их конструкции — в абсурд. В несоответствие между грандиозными ожиданиями и банальной реальностью. И тревога проскочила по его лицу, как короткое замыкание, прежде чем он смог натянуть обратную маску нейтральности.

Ответа не последовало. Он не был обучен спорить с цинизмом. Его арсенал состоял из догм и уклончивых фраз, а Мика била по-уличному.

— Нет, ты серьёзно? — она фыркнула, и этот звук был полон такого отвращения, что, казалось, даже пар от источников на миг отпрянул. — Ладно. Ваше право дурить людей.

Она развернулась, снег захрустел под её ботинком, и пошла прочь от него, обратно к дому.

— Ты куда? — окликнула я её.

— Пойду выпью вина. Уже заслужила, — бросила она через плечо не оборачиваясь. — Надоели мне эти сказки для идиотов.

Лукас стоял, смотря ей вслед. Его руки были сжаты в кулаки по швам. Он дышал чуть чаще. Он был унижен, как верующий, над чьей святыней надругались. И он не знал, как реагировать: применить силу или запретить? Мика — гость, пусть и нежеланный. Её впустил сам Уотсон. Его программа «сопровождение и безопасность» дала сбой перед такой прямой, нелояльной агрессией.

— Я должен провести экскурсию, — сказал он мне. В его голосе прозвучала беспомощность. Он обращался ко мне как к более разумному, более предсказуемому элементу.

— Тогда продолжим, — сказала я, стараясь, чтобы мой тон звучал нейтрально-поддерживающим. — Покажите мне теплицы, например. Мне говорили, они здесь есть.

Я давала ему возможность вернуться к роли и в знакомый скрипт. Сменить обстановку. Увести от места конфуза.

Он кивнул с облегчением. Его взгляд ещё раз метнулся к удаляющейся спине Мики.

— А Мика? — спросил он, и в вопросе читалась надежда, что я возьму на себя ответственность за этот сбой в системе.

— Отойдёт, — коротко и уверенно сказала я. — Ей нужно... переварить. Она эмоциональная. Журналисты такие.

Это сработало. Напряжение в его плечах немного спало. Он кивнул ещё раз, уже более собранно.

— Хорошо. Теплицы в другом крыле. Пойдём.

Он повёл меня по другой дорожке, в сторону длинного, низкого здания из стекла и металла. Его шаги сначала были резкими, но постепенно вернули себе привычный, размеренный ритм.

Теплица была похожа на рай. После серости неба, белизны снега и строгих линий зданий — это был взрыв жизни, цвета, тепла и влажности. Воздух густой, сладкий, пьянящий от аромата сотен цветов. Под стеклянным куполом цвели розы — алые, белые, кремовые. В январе. Это уже было технологическое чудо. Система климат-контроля, подогрева, освещения и гидроропоники, доведённая до совершенства.

И в центре перед мольбертом сидел парень. Спина к нам. Длинные, тёмно-каштановые волосы струились по плечам. Стройная, чуть сутулая спина в простой серой футболке. Он что-то сосредоточенно выводил на холсте.

Лукас кашлянул. Парень обернулся.

Я узнала его сразу. Свет из огромных окон падал на его лицо, делая кожу почти прозрачной, а светло-серые глаза — ещё более стеклянными, но теперь наполненными не паникой, а спокойной концентрацией.

Он меня тоже узнал. Я увидела, как его взгляд, скользнув сначала по Лукасу, остановился на мне. На миг в его глазах вспыхнуло то самое воспоминание: ванная, вода, нижнее бельё, бегство. Щёки чуть тронул лёгкий, едва уловимый румянец. Но на сей раз он улыбнулся.

Улыбка была довольно сдержанной, лишь чуть тронула уголки его губ, но преобразила всё лицо.

— Это Скай, — нехотя представил нас Лукас.

— Привет, — сказал Скай тихо. Он не добавил «рад познакомиться» или что-то подобное. Он обвел меня взглядом, всё также улыбаясь той сдержанной, почти внутренней улыбкой. Я кивнула в ответ, стараясь не сломать этот хрупкий момент.

Я перевела взгляд на Лукаса, уводя его от Ская, чтобы не смущать парня дальше.

— Он станет художником, когда вырастет? — спросила я, повторяя ту же формулу, которую Мика использовала утром, но без издёвки. С лёгкой, почти материнской улыбкой, как будто спрашивая о мечтах ребёнка.

Лукас на секунду замер. Он посмотрел на Ская, потом на меня. В его взгляде промелькнула тень той же сложной эмоции, что и у источников, когда он говорил о чуде. Гордость, смешанная с осторожностью.

— Скай... уже художник, — поправил Лукас мягко. — Он не «станет». Он есть. Он видит мир иначе. И помогает нам его видеть.

Скай, услышав это, опустил взгляд на свою палитру, смущенно покрутив кисть в пальцах. Он принял комплимент как должное, без высокомерия.

Я подошла чуть ближе, чтобы посмотреть на картину. Он не отпрянул. На холсте была абстракция. Пятна цвета, перетекающие друг в друга: холодные серо-голубые, теплые золотисто-розовые, глубокие, почти черные фиолетовые. Что-то в этом было знакомое.

— Красиво, — сказала я искренне. Потому что это и правда было красиво. И тревожно.

— Спасибо, — прошептал он, не глядя на меня.

Лукас наблюдал за этим молчаливым обменом. Его поза была настороженной.

— Мы двинемся дальше? — тихо спросил Лукас, прерывая момент.

Я кивнула, отступив от мольберта.

— Удачи, Скай.

Он снова поднял на меня глаза и кивнул. Улыбка стала чуть увереннее.

Мы вышли из теплицы обратно в колющий холод. Контраст был ошеломляющим.

Лукас шёл рядом, молча, но я чувствовала, что он что-то обдумывает.

— Он... особенный, — наконец сказал он, не глядя на меня. — Его не стоит тревожить.

— Я не собиралась, — честно ответила я. — Он талантлив.

Лукас кивнул, и, кажется, немного расслабился.

Дальше не происходило ничего интересного в том смысле, в каком это понимала бы Мика. Не было скандалов, разоблачений, потасовок. Была методичная, почти медитативная прогулка. Лукас показал мне весь остров, вернее, ту его часть, что считалась допустимой для показа. Лесные тропинки, расчищенные от снега, вид на замёрзшее озеро, с другой стороны — аккуратные сараи с инструментами, ещё одна, меньшая теплица с зеленью. Он даже рассказывал смешные, нелепые истории, которые случались с ними: как кто-то перепутал соль с сахаром в огромном котле варенья, как однажды козёл сбежал и полдня гонялся за Севастьяном. Его рассказы были простыми, человечными — просто жизнь. Маленькая, изолированная, но жизнь.

Это была другая сторона системы — бытовая, почти домашняя рутина.

Он отвёл меня обратно к дому как раз к обеду. На кухне царил другой вид абсурда.

Адам стоял у плиты. На нём был не чёрный обтягивающий свитер, а уродливо-яркий вязаный свитер с оленями и снежинками, тот самый, который обычно надевают на Рождество в плохих комедиях. Он выглядел нелепо и нарочито. Как будто он надел его в насмешку над самим понятием праздника, или над нами, или над всей этой ситуацией. Под свитером — те же чёрные штаны.

Он помешивал что-то в большой кастрюле, и на его лице было выражение глубокой, почти философской скуки.

— Готовлю обед, — заявил он, не оборачиваясь, услышав наши шаги. — А Мика где?

Его голос был ровным, но в вопросе чувствовалась не забота.

— У себя, — ответил Лукас, снимая куртку. Он кинул быстрый взгляд на свитер Адама, но ничего не сказал. Видимо, это было в порядке вещей. Адам мог позволить себе такие выходки, как сын основателя.

— Позовёшь её обедать? — спросил Адам, наконец обернувшись. Его взгляд скользнул по мне с лёгким, привычным презрением, но задержался на Лукасе. Он перекладывал обязанности. Не хотел идти сам.

Лукас напрягся почти незаметно. Идти к Мике после утреннего скандала — это была неприятная задача. Она могла снова наброситься, могла отказаться, могла задать неудобные вопросы. Лукас был больше солдатом, чем дипломатом.

— Я позову, — вызвалась я быстро, прежде чем Лукас успел кивнуть или отказаться.

Оба — и Адам, и Лукас — посмотрели на меня. Адам — с удивлением, смешанным с подозрением. Лукас — с неожиданным облегчением.

— Понимаю, что Лукасу будет неудобно, — добавила я, глядя прямо на Адама, но объясняясь для Лукаса: — Мы же коллеги по творческому цеху, легче найти общий язык.

Я сыграла на их системе ценностей. Это было логично и избавляло их от головной боли.

Адам пожал плечами, как будто говоря «твое дело». Он снова повернулся к плите.

— Как знаешь. Обед через пятнадцать минут. Если она не придёт — её проблемы.

Лукас кивнул мне, и в его взгляде читалась благодарность. Я только что сделала ему одолжение. Это укрепляло мой статус «своей» в их глазах.

Я поднялась на третий этаж. Из-за двери Мики доносилась тихая музыка — что-то агрессивное, с гитарными риффами.

Я постучала. Музыка притихла.

— Входи! — крикнула она.

Мика сидела на подоконнике, курила электронную сигарету, и перед ней на столе стояла открытая бутылка того самого вина, наполовину пустая. Подруга уже была в нужной кондиции.

— О, это наша шпионка, — протянула она. — Ну что, разведала планы врага? Где они прячут золотого тельца?

— Обед через пятнадцать минут, — сказала я, игнорируя её тон. — Готовит Адам. В смешном свитере.

— В каком? — она фыркнула, выпуская облако пара со вкусом ментола. — Ладно, схожу. Посмотрю на это цирковое представление. А то, что я, больная, что ли? — Она сползла с подоконника. — А что ты увидела?

— Теплицы, розы и этого парня.

Её глаза мгновенно протрезвели.

— И? — она подошла ближе, пахнувшая вином и электронным табаком.

— Он художник. Рисует абстракции. Лукас относится к нему как к чему-то ценному.

— Хм, — Мика задумалась, постукивая сигаретой по ладони. — Художник... Чувствительная душа. Легкоранимая и ценная. Интересная комбинация. Очень интересная.

Я видела, как в ее голове складывался новый план.

— Не дави на него, — сказала я резче, чем планировала. — Он хрупкий.

Мика посмотрела на меня с насмешкой.

— Ой, Релл, ты что, привязалась? К милому психу из секты? Не надо сантиментов. А теперь пошли. Посмотрим, что нам приготовил принц в дурацком свитере.

Она выпрямилась, поправила волосы и выплыла из комнаты, оставив за собой шлейф искусственной мяты. Я посмотрела на полупустую бутылку вина. Её бунт был громким, но непродуктивным. Она сжигала мосты, вместо того, чтобы протаптывать тропы.

Глава 5. Тюрьма класса "Люкс"

За столом Мика совершила разворот на сто восемьдесят градусов. Её утренняя ярая праведность испарилась, уступив место томной, игривой кокетливости. Она сидела, подперев подбородок, и смотрела на Адама так, будто его суп с лапшой был шедевром не кулинарного, а какого-то иного искусства.

— Адам, это просто волшебство, — вздохнула она, медленно облизывая ложку от кончика до ручки. — У тебя такой уверенный подход к форме. Чувствуется, что знаешь, как работать с упругим тестом.

Если бы я не знала её схему, я бы поклялась, что она говорит не о лапше.

Адам, обычно холодный, оттаял на несколько градусов. Уголок его рта дрогнул.

— Спасибо. Главное — хорошо его замесить. Чтобы было податливым, но не рыхлым. И дать отдохнуть, — он выдержал паузу, глядя ей прямо в глаза, — иначе оно будет сопротивляться, когда начнёшь его раскатывать.

Лукас поперхнулся водой, кашлянул в кулак.

— О, я обожаю, когда оно не сопротивляется, — томно протянула Мика, закручивая длинную прядь лапши на вилке. — Когда само просится, чтобы его растянули до предела.

— Предел — понятие растяжимое, — парировал Адам, откинувшись на спинку стула. Его взгляд скользнул по её груди. — Некоторые любят погорячее и пожёстче. Другим нужно долгое, медленное томление на слабом огне.

— А я, знаешь, универсал, — она наклонилась к нему через стол, и её голос стал шепотом, который всё равно было слышно. — Могу и быстро, на раскалённой сковороде, с хрустящей корочкой. А могу и на пару, чтобы все соки внутри остались. Горячие.

В столовой повисла тишина, густая, как бульон. Мы с Лукасом уставились в тарелки, но наши уши были настороже, как локаторы.

Адам медленно провел языком по нижней губе, рядом с пирсингом.

— Паровые методы требуют особой герметичности пространства, чтобы пар не уходил. Иначе все остынет, станет влажным и неаппетитным.

— Значит, нужно найти правильную кухню, — заключила Мика, откидываясь назад с видом кошки, слизавшей сливки. — С хорошей вытяжкой и крепкими дверцами.

— Вытяжка здесь отличная, — сказал Адам, и в его глазах вспыхнул опасный, заинтересованный огонек. — А насчет дверок — это нужно проверять на месте. Иногда они скрипят.

— Я люблю, когда они скрипят, — тут же ответила Мика. — Это как живой отклик.

Лукас под столом, кажется, сломал себе все пальцы, сжимая их. Я делала вид, что увлеченно изучаю узор на своей тарелке, но щеки горели. Флирт перешел в публичную, откровенную провокацию. Ей было недостаточно просто играть с огнем, она лила в костер масло и требовала зефир.

Адам хрипло засмеялся.

— Тогда, может, стоит провести инспекцию? После ужина, например. Оценить акустику. Мика прикусила губу, делая вид, что задумалась.

— Ужин — это так далеко. А инспекция — дело срочное. А то вдруг дверцы совсем разболтались. Нужно вовремя подкрутить винты.

Они смотрели друг на друга через стол. Дуэль двусмысленностей, и оба фехтовали как мастера.

Наконец Мика встала, плавно, как змея.

— Что ж, Адам, ты меня заинтриговал. Жду с нетерпением продолжения кулинарного ликбеза и проверки техники безопасности, конечно.

— Будет сделано, — кивнул он и проводил её взглядом до самого выхода.

Когда она скрылась, в столовой воцарилась гробовая тишина. Адам медленно доел свой суп и его лицо снова стало непроницаемым. Но уголки губ всё ещё были подняты в едва уловимой усмешке.

Лукас взглянул на меня, и в его глазах читался почти панический вопрос: «Что, чёрт возьми, только что произошло?»

Я пожалала плечами, изображая наивное смущение. Мика перешла черту и затащила за собой Адама. Последствия этого спектакля могли быть самыми непредсказуемыми и самыми страшными.

— Какие тут ещё развлечения? — спросила я, чтобы заполнить тяжелую, наэлектризованную тишину после ухода Мики. Мой голос прозвучал ровнее, чем я чувствовала. — Игры, настолки?... По сети? Хотя интернет, кажется, не грузится.

Я сделала вид, что просто подбираю варианты для культурного досуга. Невинный вопрос.

Адам, доедая последнюю ложку супа, посмотрел на меня уже без того игривого огонька, что горел для Мики.

— Интернет глушится в такую погоду, — отрезал он, махнув рукой в сторону замерзшего окна. — Город новый, а резиденция еще новее. Всё заработает позже.

Фраза была отполированной отговоркой, которую, судя по всему, здесь заучивали. «Глушится в погоду». Какая чушь. Но она снимала с них ответственность. Не они виноваты, а природа. И «новизна» как оправдание для любых неполадок.

— А мистер Уотсон когда придёт? — спросила я, меняя тему на настоящую цель. — Мы хотели бы поблагодарить за гостеприимство.

— Вечером, — парировал Адам, не отрывая взгляда. — Точно увидите.

«Точно», но не «обязательно».

Я решила пойти напролом. Игра в вежливость зашла в тупик.

— Адам, серьёзно, — сказала я, опуская ложку. Мой тон стал деловым, без обиды, но с лёгким упрёком разумного человека, с которым недоговаривают. — Мы ехали на один день. У нас нет с собой вещей на большее. Мы не готовились к длительному визиту.

Я изложила факт, против которого трудно было возразить. Наши маленькие сумки на третьем этаже были красноречивым доказательством.

Адам на секунду задумался, будто прокручивал в голове заранее заготовленные ответы. Затем пожал плечами.

— Шопинг завтра? Я договарюсь. В городе есть пара магазинов. Средства гигиены — вам выдадут.

«Выдадут». Слово-маркер снова прозвучало, как в тюрьме, санатории или армии.

Но это было не главное. Главное было в его предложении «завтра», подразумевавшем, что сегодня мы никуда не денемся, и завтра — тоже.

— На сколько мы тут? — спросила я без колебаний, глядя ему в глаза.

Он встретил мой взгляд.

— Как и договаривались, — сказал он медленно, растягивая слова. — На месяц.

Воздух вырвался из моих лёгких, как от удара в солнечное сплетение. Я сглотнула. Комок в горле был размером с кулак. Месяц.

Никто ни с кем не договаривался о месяце. Мика сулила день-два. Максимум — неделю для «расследования». Месяц — это уже полноценное проживание.

Мой мозг, вопреки шоку, продолжал работать, выстраивая логику: нам солгали о сроках с самого начала, потом отрезали связь под предлогом погодных условий и установили свои новые правила, как должное.

Это был классический набор для «программирования».

— Месяц, — повторила я без интонации, просто чтобы услышать, как это звучит.

— Да, — подтвердил Адам, и в его глазах мелькнуло удовлетворение от того, что карта наконец легла на стол. — Вам нужно время, чтобы понять место. Увидеть все процессы. Прочувствовать это за один день — насмешка. Месяц — это минимум.

Я отодвинула тарелку. Аппетит пропал полностью.

— Я... пойду наверх. Нужно поговорить с Микой.

— Конечно, — кивнул Адам, как будто только что сообщил мне расписание уборки. — Отдыхайте. Вечером увидите отца.

Я встала на ватных ногах. Лукас смотрел на меня пустым взглядом. Он знал с самого начала, когда вёл нас по мосту и говорил: «Берите всё».

Я вышла из столовой, прошла через холл с его вечным искусственным огнём и поднялась по лестнице. Каждый шаг отдавался в тишине гулким эхом.

Месяц.

Они заманили нас в ловушку и с легкостью захлопнули крышку, объявив новый срок годности. Теперь у нас было тридцать дней — тридцать дней, чтобы «прочувствовать». Что именно? Как сломаться или как найти выход?

И первое, что нужно было сделать, — донести эту «новость» до Мики, которая, по всей видимости, была слишком занята планированием «инспекции дверей» у Адама, чтобы заметить, что дверь из этой резиденции для нас только что захлопнулась на целый месяц.

Мика не была удивлена. Совсем. Она сидела на своем подоконнике, курила электронную сигарету и смотрела в темнеющее окно. Когда я вошла и выпалила новость про месяц, она лишь медленно перевела на меня взгляд, полный усталой ясности.

— Ну конечно, месяц, — выдохнула она, выпустив облако ментолового пара. — Что, ты думала, они нас позвали на чай? — Она наклонилась, плеснула красного вина из своей бутылки в пустой стакан на тумбочке и протянула его мне. — Держи и расслабься. Стаканы стащила на кухне, — добавила она с деловитой гордостью мелкого воришки.

Я взяла стакан, но глотка так и не сделала. Вино пахло терпко и дорого. Контрабанда в нашей тюрьме люкс-класса.

— Ты знала? — спросила я, глядя на темную жидкость. Голос звучал ровнее, чем я чувствовала.

— Знала, что они врут про сроки? Догадывалась, — она пожала плечами. — Релл, посмотри вокруг. Такой антураж, такая изоляция... на один день не заморачиваются. Но мы управимся раньше. Не будут же они нас тут месяц держать насильно, если мы начнем скандалить.

Она всё ещё верила в силу своего шума. В то, что её крик и скандал — это универсальная отмычка. Она не видела толщины стен.

— А если будут? — спросила я тихо, поставив стакан. — Если «месяц» — только начало? Для чего? С парнями-девственниками? Для утех?

Последнюю фразу я выговорила с трудом. Это был самый примитивный, самый животный страх, который витал здесь с момента, как мы увидели эту мужскую общину.

Мика фыркнула, но без уверенности.

— Для утех? С этой оравой закомплексованных юнцов? Да им проще в интернете... ой, ну ты поняла. Нет, Релл. Уотон хочет, чтобы мы стали его громкими историями успеха. «Смотрите, даже циничная журналистка прониклась!» Это пиар. Грязный, но пиар.

Её версия была красивее. Более соответствовала картине мира, где всё — пиар и манипуляция, но она не учла масштаб. Уотсону, с его миллиардами, не нужен пиар от двух никому не известных девушек. Ему нужно что-то другое. Что-то, завязанное на мёртвом генетике Дельгато.

— Не знаю, — честно ответила я. Мои гипотезы были слишком сырыми, чтобы их озвучивать, и слишком пугающими.

— Релл, не бойся, — сказала она, и в ее голосе впервые за сегодня прозвучало что-то похожее на тепло. — Раз предложили шопинг, значит, идем. Это же окно. Мы вырвемся из этой стеклянной банки хоть на пару часов. Осмотримся, купим что-нибудь ненужное, может, даже ловушку какую-нибудь расставим. А там видно будет. Месяц... — она махнула рукой, — ...это просто цифра, и мы её сократим.

Она допила свой стакан и с грохотом поставила его на подоконник. Её решимость была заразной, но хрупкой, как стекло. Она строила планы, основываясь на «шопинге» — уступке, которую им было легко сделать, потому что город Вальтерсхольм был частью их системы.

Но она была права в одном: это было движение. Выход за пределы острова, пусть и под присмотром. Нужно было этим пользоваться и искать слабые места уже не в резиденции, а в городе. Может, там найдется кто-то менее преданный. Может, связь будет лучше. Может, мы увидим что-то, что им не хотелось бы показывать.

— Ладно, — сказала я, наконец делая глоток вина. Оно обожгло горло, но согрело изнутри. — Завтра шопинг. А сегодня вечером Уотсон.

— Уотсон, — повторила Мика, и ее глаза снова загорелись прежним, хищным блеском. Усталость и мнимые сантименты испарились. — Вот это будет интересно. Наконец-то увидим великого затворника и посмотрим, что он за фрукт.

Она снова была в своей стихии: в предвкушении большой добычи.

Долго ждать не пришлось. Ещё до ужина, когда серый свет за окном начал густеть, превращаясь в синеву, в дверь постучали.

Открыла я. В коридоре стоял Севастьян с абсолютно непроницаемым, почти каменным лицом.

— Мистер Уотсон готов вас принять. Пожалуйста, следуйте за мной.

Мика, услышав голос, вылетела из своей комнаты, как шаровая молния. Она была одета, но вид у неё был растерянный, почти дикий. Волосы взъерошены, губы поджаты, глаза бегали. Она металась по моей комнате, словно в своей было тесно для этой паники, хватая то одну, то другую вещь, будто собираясь не на встречу, а на эвакуацию.

— Погоди, погоди, секунду, — бормотала она себе под нос, пытаясь надеть вторую сережку и тут же уронила её. — Черт. Релл, как я выгляжу? Нормально? Не слишком агрессивно? Или, наоборот, слишком смиренно? Как думаешь, это серьезный разговор? Или просто светская беседа? Мне телефон брать? Диктофон включить? Нет, они же отнимут, сволочи...

Она пыталась собраться с мыслями, но получалось слабо. Её обычная броня из наглости и уверенности дала трещину, потому что был сам Уотсон, тот, от кого здесь зависело всё.

Я смотрела на неё, и впервые за все время мне стало её по-настоящему жаль. Мика не справлялась с собственными эмоциями, что уж говорить о других людях.

— Мика, — сказала я тихо, но твердо, перехватывая ее мечущийся взгляд. — Дыши. Просто дыши. Мы пойдем послушать, что он скажет, все выводы сделаем потом. Поняла?

Она остановилась, схватившись руками за голову, сделала несколько судорожных вдохов.

— Да. Да, ты права. Слушать и запоминать. Анализировать. Хорошо.

Она выпрямилась, резко встряхнула головой, будто надевая маску, но глаза всё еще выдавали внутреннюю дрожь.

— Идём, — сказала она, поправляя свитер.

Севастьян, не выражая никакого интереса, развернулся и повёл нас по коридору к лифту, который я раньше не замечала. Он был скрыт в нише, замаскированной под стену.

Лифт был крошечным, без зеркал, с мягкой звукопоглощающей обивкой. Мы ехали в тишине, Севастьян стоял к нам спиной, глядя в стену.

Лифт остановился, и дверь бесшумно открылась.

Мы вышли в кабинет-библиотеку. Стены от пола до потолка были заставлены книгами в старинных переплетах и современными папками. Окон не было. Освещение — только от пары бра на стенах и лампы на огромном дубовом столе.

За столом, спиной к стеллажам, сидел Том Уотсон.

Совсем не похожий на улыбающегося, энергичного мужчину с газетных фото. Этот человек казался истощенным, его лицо было бледным, болезненным, с сетью тонких морщин у глаз и рта, которые намекали скорее на хроническую усталость, чем на возраст. Волосы седые и аккуратно зачесанные. Одет он был в простой темный кардиган и белую рубашку без галстука.

Он не встал, лишь слегка кивнул, указывая рукой на два кресла перед столом.

— Прощу. Садитесь. Извините, что заставил ждать.

Мы сели, и Мика выпрямилась, а я руки сложила на коленях, дышала ровно. Уотсон взглянул на нас по очереди, оценивая так, но без особого интереса — он и так всё про нас знал.

— Добро пожаловать в Вотиву, — сказал он. — Надеюсь, вам уже всё показали и объяснили, как тут у нас заведено.

Севастьян отошёл в тень у двери, будто стал её частью. Дверь тихо закрылась. И вот мы остались одни в этой тихой комнате, пахнущей книгами, с её главным жителем.

Мика молчала, вперившись в Уотсона, сканируя его. Было видно, как у неё в голове мелькают варианты: наехать? Поддакивать? Прикинуться дурочкой?

Я решила взять дело в свои руки и спокойно так спросила:

— Спасибо, мистер Уотсон, за такую возможность и за приём. Но пока, честно говоря, не очень понятно, что у вас тут происходит. И почему вы живёте здесь с молодыми людьми, как... отшельники.

Я специально выделила «не понятно» и «почему», чтобы он объяснил, но не чувствовал, что его в чем-то обвиняют. Уотсон пропустил мой комплимент мимо ушей и просто сложил руки на столе, переплетая свои длинные бледные пальцы.

— Наша община, — начал он неторопливо, взвешивая каждое слово. — Это выбор. Да, сложный, осознанный, но все же выбор. Знаю, со стороны легко принять нас за секту, но это не так.

Он заявил это как факт, намекая, что его немного достали подобные подозрения. «Типа, вы смотрите и думаете: секта! А я-то знаю, что всё совсем не так».

— Вы ищите секреты там, где их нет, — продолжил он, глядя то на меня, то на Мику своими выцветшими глазами. — Ищите обман, манипуляции, скрытые причины, потому что ваш мир так устроен. И вам трудно поверить, что может быть как-то иначе.

Он говорил как профессор, объясняющий тупым студентам простую для него теорию.

— Я устал от всей этой мерзости, — сказал он с глубокой печалью в голосе. — От лжи, которая заменила правду, от шума, который выдают за мнение, от этой бесконечной беготни, где уже забыли, зачем бегут. Я просто хотел нормальной жизни и понятных правил.

Он обвел рукой комнату, как бы включая в этот жест весь остров.

— Здесь всё честно. Я даю защиту, порядок, смысл. Они дают свою преданность, труд, стремление к той же чистоте. Никто никого не душит. Никто никого не заставляет. Есть правила. Мы их соблюдаем. Есть работа — мы её делаем. Есть тишина — мы в ней живём.

Он помолчал, чтобы мы все это переварили.

— Никаких фокусов. Никакой магии на продажу, только ежедневный труд над собой.

И я, глядя на него, слушая его тихий, убеждённый голос, понимала, что он не врёт.

Он искренне верил в то, что говорил. В его картине мира все было именно так: он создал заповедник от грязи внешнего мира, приют для потерянных душ, вроде его парней, и, возможно, в глубине души, для себя самого. Систему, которая удовлетворяла бы утопизм в лучших проявлениях, и с его деньгами, нужно признать, не такое уж и сложное желание.

Это было гениально и безумно одновременно, потому что объясняло всё и одновременно ничего. Объясняло контроль, изоляцию, мужскую общину, его затворничество. Но не объясняло смерти Дельгато, не объясняло потока денег, не объясняло того религиозного блеска в глазах парней за ужином, когда они говорили о «Цели».

Он либо был величайшим актером, либо самым трагичным заблудшим меценатом на свете, который построил себе идеальную тюрьму от боли утраты друга и назвал её спасением.

Мика, наконец, подала голос.

— Но люди продают все, чтобы попасть сюда. Говорят о чуде. Это же...

— Надежда, — мягко перебил её Уотсон. — Им нужна надежда. А я даю порядок. Они проецируют на порядок свои мечты о чуде. Я не могу это контролировать и не хочу. Если видение чистоты и тишины кажется им чудом... что ж, пусть. Но это их чудо. Не моё.

Он сказал это с лёгкой, почти болезненной улыбкой, как будто ему было жаль этих людей, но он не чувствовал за них ответственности.

Я смотрела на его бледное, усталое лицо, на искреннюю, страдальческую убежденность в его глазах.

Сейчас наше расследование, наша охота за «гнойником» и «секретом» могли быть ошибкой. Мы искали злой умысел, технологический кошмар, финансовую пирамиду.

А возможно, истина была проще и страшнее: мы заперты на месяц в идеально сконструированном сумасшедшем доме, архитектор которого абсолютно уверен в своем здравомыслии. И который, возможно, прав.

Или мы стали заложниками его тихой, беспощадной мании, которая опаснее любой злонамеренной секты. Потому что против зла можно бороться. А как бороться против искренней, печальной, абсолютно контролируемой веры в то, что грязь — снаружи, а чистота — здесь, в этой комнате без окон?

— А как же парни? — спросила Мика. — Они же живут как монахи, отрекшиеся от всех благ. Разве выбор для молодежи жить так уединенно не странен, если альтернатива — вернуться в ту самую «грязь», от которой они, по вашим словам, бежали?

Это был удар ниже пояса, прикрытый вежливостью. Она все же ткнула в самый слабый пункт его утопии: добровольность в условиях монополии на «чистоту».

Уотсон не поморщился, лишь слегка склонил голову, будто ожидал этого вопроса.

— Красивые ребята, правда? — произнёс он с лёгкой, почти отеческой улыбкой. — Очень привлекательные и умные. Им позволено всё, — продолжил он, разводя руками в странном, неестественном жесте. — Отношения, заводить семьи, учиться, достигать целей. Никто не привязан к этому месту цепями. У нас нет стен, кроме тех, что защищают от внешнего шума.

Он говорил красиво. Идеальная картинка рая с человеческим лицом: духовная коммуна, где каждый волен жить как хочет, но детали, проклятые детали, выдавали ложь.

«Позволено» — ключевое слово. Если позволено, значит, есть тот, кто разрешает.

Никто не привязан. Но как они уйдут? У них нет денег, нет связи с внешним миром, нет поддержки семьи. Даже их одежда — выданная. Уйти — значит голым шагнуть обратно в ту самую «грязь», без гроша, без навыков, пригодных в большом мире. Ох, не похоже на свободу!

— Но ведь они здесь, — мягко парировала я. — Значит, пока что их цели... совпадают с предлагаемыми здесь условиями.

— Верно, — кивнул Уотсон, и в его глазах мелькнуло удовлетворение. Он принял мой комментарий как согласие. — Они нашли то, что искали, не нуждаясь в том, чтобы считаться «успешными» по чужим меркам.

Он снова говорил о свободе от давления, но описывал тотальный контроль над каждым аспектом жизни. Свобода, ограниченная стенами его представлений о чистоте.

Мика снова не выдержала.

— А если один из них захочет, не знаю... поехать в город на месяц, поступить в университет, завести роман с девушкой не отсюда?

Уотсон перевёл на неё свой выцветший взгляд.

— Конечно. Если это его искреннее, продуманное желание, мы поможем собрать вещи, дадим денег на первое время. Я же сказал — они не рабы.

Он сказал это так гладко, что стало ясно: такого никогда не происходило. Это был теоретический сценарий, как «вы можете уволиться в любой момент» в тоталитарной корпорации. Технически — да. Фактически — система устроена так, что мысль об уходе даже не возникает. А если возникает, то это трактуется как «влияние грязи» или «внутренняя проблема», которую нужно лечить дальнейшим погружением в систему.

И он искренне верил, что делает им благо.

— Вы очень заботливый человек, — сказала я без иронии.

Он принял это за комплимент и кивнул:

— Я просто пытаюсь исправить ту ошибку, которую больше не могу исправить во внешнем мире!

«Ошибку». Смерть Дельгато? Крах его прежней жизни? Он не уточнил.

Севастьян, стоявший у двери, едва заметно кашлянул. Время, видимо, вышло.

Уотсон поднялся. Он был выше, чем казался сидящим, но хрупким, как сухая ветка.

— Надеюсь, я немного прояснил ситуацию. Теперь вы понимаете. Здесь нет тайн. Только работа и тишина. А теперь, простите, мне нужно отдохнуть.

Это было откровенное указание на дверь. Аудиенция закончилась.

Глава 6. Сыновья отца

После тихого ужина, без парней, мы с Микой сидели в её комнате. Дверь была закрыта, но мы говорили вполголоса.

Уотсон хорошо нас напугал своей несокрушимой уверенностью.

— Он сумасшедший, — сказала Мика, обхватив себя руками, будто замерзла. Она потягивала вино прямо из горлышка, уже не церемонясь. — Тихий, вежливый, но абсолютно, клинически шизанутый. У меня аж мурашки от него.

Она потерла предплечья, и я видела, как по коже действительно пробежали пупырышки.

— Но он в это верит, — сказала я, глядя в темное окно, где отражалась наша с ней жалкая пара. — Вся его система держится на вере, и это делает её прочнее стали.

— Его жена, — внезапно вспомнила Мика, — развелась с ним сразу после покупки этой земли. Свалила куда-то за моря-океаны. Есть еще дочь, взрослая уже. Видимо, не вдохновилась папиной «чистотой и порядком» и умчала самой первой.

Это была важная деталь. Самые близкие люди — те, кто видел его в процессе «преображения» — сбежали.

— А что спонсор сказал? — спросила я, возвращаясь к практическому. Ее чиновник, которого она шантажировала, был нашим единственным связным с внешним миром, хоть и ненадежным.

Мика мрачно хмыкнула, отхлебнув вина.

— Сказал, что ехать сюда — это самое дурное мое решение в жизни. Что я лезу в пасть к льву, который даже не злится, потому что считает мух заразой. Сказал, чтобы я не связывалась и не втягивала его.

Она помолчала, глядя на пустую бутылку.

— А потом спросил, не нужно ли мне еще денег. На «расходы». Чтобы я поскорее сделала, что мне нужно, и убралась, не навлекая на него беды.

Типично. Страх за свою шкуру, и его «помощь» была попыткой откупиться, ускорить развязку, лишь бы его имя не всплыло.

— Значит, помощи оттуда ждать не стоит, — констатировала я.

— Никакой, — Мика покачала головой. — Если что, он первый открестится. Скажет, что я его шантажировала, что он ничего не знал. И ему поверят. Он — столп общества, а я — истеричная блогерша с придуманными теориями, которая ещё и семью его пытается разрушить.

Мы сидели в тишине, нарушаемой только гулким биением собственных сердец. Стратегия рушилась на глазах. Врага нельзя было разоблачить, потому что он и не скрывался.

— Что будем делать? — спросила Мика беспомощно и по-детски.

Я посмотрела на нее.

— Сначала — шопинг завтра, — сказала я. — Это наше окно. Нужно оценить город, людей, может, найти слабину. Потом нужно понять, что держит здесь парней. У каждого есть слабость, нужно её найти. Хотя бы у одного и потом уже решать, как этим воспользоваться.

— У Адама, — тихо сказала Мика, прочитав мои мысли. Ее взгляд снова стал острым, охотничьим. — Он самый расхлябанный и доступный. И он что-то значит в их иерархии, через него можно добраться до сути, до их «чуда», которое, я уверена, все-таки есть. Этот старик что-то скрывает, даже от себя самого.

Она снова возвращалась в роль. Страх отступал, уступая место азарту.

— Осторожно, — предупредила я, но уже без надежды, что она послушает. — Если спугнешь или перегнешь...

— Не спугну, — она встала, решительно потрусив бутылку, но та была окончательно пуста. — Я буду аккуратна, покажу ему такую крышесносную романтику, что он не удержится!

Я просто кивнула. План был безумным, рискованным, и местами аморальным.

Я ушла в свою комнату. Обувь Ская у двери уже не было. Кто-то забрал. Возможно, он сам, крадучись, когда мы были у Уотсона.

Я легла в постель и смотрела в потолок, пока сон не сморил меня.

18 января, Вальтерсхольм

Утром меня разбудили крики. Голос Мики, рвущийся на высоких, истеричных нотах, и низкое, сдавленное бормотание Лукаса. Я быстро натянула одежду и выскочила в коридор.

Картина была сюрреалистичной. Лукас стоял, упершись спиной в стену, голова опущена, плечи напряжены до предела. Он был белой как полотно точкой в центре урагана по имени Мика. Она металась перед ним, жестикулируя, ее лицо искажено гневом и отчаянием.

— Ты что, не слышишь?! Шоппинг! Сегодня! Мне нужны вещи! Ты обещал, твой папочка Адам обещал! Или здесь все врут, как дышат?! Я не могу ходить в одном и том же! Это гигиена, черт возьми!

Она тыкала пальцем ему в грудь, и он отстранялся, но не уходил. Его лицо было маской беспомощной ярости. Солдат, столкнувшийся с не прописанной в уставе истерикой гражданского лица.

— Планы изменились, — глухо повторял он, как заевшая пластинка. — Нужно согласовать с...

— С кем?! С твоей синей шапкой?! — кричала она. — Я хочу в город! Сейчас!

Понимая, что выхода нет — либо она его сейчас физически атакует, либо он сломается и сделает что-то непоправимое — Лукас резко выпрямился.

— Хорошо, — выдохнул он. — Хорошо. Пойдемте.

Он повел нас вглубь первого этажа, к той самой части резиденции, куда доступ был закрыт. Остановился у неприметной двери из темного дерева. Дверь в личные апартаменты Уотсона.

— Стоять, — бросил он нам и постучал.

Ответа не последовало. Ни звука из-за двери. Только гулкая тишина коридора.

Мы стояли. Мика, еще секунду назад кипящая, замерла, съезжившись. Её агрессия испарилась, сменившись холодным, щемящим страхом. Мы обе понимали, куда нас привели.

Прошло двадцать минут. Двадцать вечных минут неподвижного стояния под пристальным, ненавидящим взглядом Лукаса. Наконец, дверь беззвучно открылась.

На пороге стоял Том Уотсон в темном махровом халате. Он выглядел еще бледнее и хрупче, чем вчера, будто ночь вытянула из него остатки сил.

— Лукас, дамы, — сказал он тихо.

— Они настаивают на шоппинге, сэр. Журналистка очень настаивает.

Уотсон кивнул, словно ему сообщили о поломке сантехники. Он посмотрел на Мику.

— Я понимаю. Девочкам нужны вещи. — Он перевел сочувствующий взгляд на меня, оценивая мою не брендовую футболку, или что? — Пожалуйста, пройдемте. Погрейтесь у камина. Позавтракайте. Лукас, сходи по делам.

Лукас, не глядя на нас, развернулся и зашагал прочь, оставляя нас наедине с Уотсоном.

Он жестом пригласил нас в гостиную.

На столовом столе в соседнем помещении уже была расставлена еда. И те самые чертовы булочки с корицей от Ирмы.

Но это было не главное, главное уже происходило в холле.

Все шестнадцать парней собирались вместе. Молча один за другим, кто спускался по лестнице, кто входил с улицы, отряхивая снег с плеч. Они строились в нечто вроде полукруга в центре холла. Их лица были серьезны, сосредоточенны.

Уотсон, заметив мой взгляд, мягко сказал:

— Утренний сбор. Обсуждаем планы на день. Ничего особенного. Пожалуйста, — он указал на столик у камина, — завтракайте. Не обращайтесь на них внимания.

Но игнорировать это было невозможно. Эта молчаливая, синхронная сборка была веселее любой истерики Мики.

Уотсон встал в центре полукруга, и его голос заполнил все пространство холла, несмотря на отсутствие эха. Он говорил спокойно, почти ласково, как учитель, объясняющий задачу детям.

— Вы уже все знакомы с нашими гостями, мисс Шервуд и мисс Леру. Девушки хотят погреться в наших источниках, насладиться жизнью, но их гардероб, к сожалению, не укомплектован.

Он описывал наше пребывание как беззаботный спа-отпуск. Просто две легкомысленные барышни, которым не хватило платьев.

— Четверо из вас сегодня сопровождают милых дам в город, — объявил он, и его взгляд скользнул по рядам молодых лиц.

Четверо шагнули вперед сразу, почти рефлекторно. Их лица были оживлены столь редкой возможностью вырваться за пределы острова, проявить себя. Они смотрели на Уотсона, жадно ловя его одобрение.

— Двое, — вклинилась Мика, — этого достаточно!

«Почему двое?» — тихо спросила я, наклоняясь к Мике.

«Потом,» — шикнула она, не отрывая взгляда от Уотсона. Её лицо было сосредоточено, как у шахматиста, рассчитывающего ход на несколько шагов вперёд.

— Хорошо, двое, — согласился Уотсон, кивнув Ильяс и Чену. — Поможете?

Мика снова вмешалась громким, отчетливым голосом, который резанул по слаженной тишине собрания.

— Адам. — Все головы повернулись к ней. Она стояла, слегка склонив голову набок, с наигранно-виноватой улыбкой. — Он предложил. И он... самый стильный в вопросах гардероба, простите. Без обид, ребята.

Она во второй раз бросила вызов решению Уотсона.

Глаза Уотсона сузились и он громко выдохнул.

— Хорошо, — сказал он. — Адам и...

— Скай, — снова перебила его Мика, еще до того, как он закончил. Ее голос был сладким, почти мечтательным. — Чтобы было веселее. Он же художник, у него должно быть чувство стиля. Это поможет с выбором.

Это было уже слишком. В холле повисла тишина, густая, как смола. Все взгляды устремились на Ская, который стоял чуть в стороне, у стены. Он даже, казалось, пытался слиться с ней. При упоминании его имени он глянул на Мику с едва заметным вздрагиванием плеч.

Уотсон медленно повернул голову к нему, потом снова к Мике.

— Хороший выбор, — произнес он недовольно. — Оба моих сына. — Он подчеркнул «сына», делая их привилегированными надзирателями. — Адам. Скай. Будете сопровождать.

Адам, стоявший чуть впереди других, лишь кивнул, его лицо было каменным, но в глазах бушевала буря — раздражение, любопытство, вызов. Скай не шелохнулся, просто опустил взгляд в пол, его длинные волосы упали на лицо, скрывая выражение.

Мика сияла. Она добилась своего: вырвала две ключевые фигуры. Пирсингованного, циничного наследника и хрупкого, талантливого затворника. Играя на публике, на его же поле, она перехватила инициативу, рискованно до безумия, как ей нравилось.

Уотсон закончил собрание парой общих фраз и жестом распустил парней. Те разошлись, бросая на нас косые, непонятные взгляды. Ильяс и Чен выглядели оскорбленными. Адам уже подходил к нам, его лицо было мрачным.

— Готовьтесь через час, — бросил он, не глядя. — Не опаздывайте.

Скай уже исчез, растворившись в одном из коридоров, как испуганная тень.

Когда мы поднялись наверх, я толкнула Мику в её комнату и закрыла дверь.

— Ты с ума сошла? — прошипела я, уже не скрывая ярости. — Ты только что публично поставила его в неловкое положение! И вытащила Скай! Зачем?

— Чтобы раскачать лодку, Релл! — её глаза горели триумфальным безумием. — Чтобы посмотреть, кто как отреагирует! Уотсон позволил! И эти два его сыночки-корзиночки — шикарный вариант!

Она была права в своей безумной логике. Она создала непредсказуемую ситуацию внутри их предсказуемого мира.

— Ты сделала себя мишенью, — сказала я холодно. — Сыновья не пойдут против папочки, более того, это самые верные приспешники!

— Пусть, — отмахнулась она, — они переживут. А мы получим свой шоппинг и посмотрим, что за город на самом деле. С двумя принцами в качестве гидов.

Она была одновременно гениальна и безрассудна. Она играла с динамитом, используя парней как бикфордов шнур.

Через час я спустилась вниз. Мика уже была в холле. Она с явным отвращением грызла очередную булочку, возмущаясь себе под нос, что она черствая и безвкусная, и вообще «как они это едят». Это был её способ выпустить пар, она нервничала.

Скай сидел на краю дивана, в почтительной позе, как на приеме у стоматолога. Он смотрел в пол, его длинные пальцы перебирали край свитера. Молчаливый, сжатый в комок напряжения. Он выглядел так, будто его ведут на казнь, а не на шоппинг.

Адам, одетый снова в свой привычный черный «прикид», расхаживал взад-вперед. Он был раздражен, энергия била из него, как статическое электричество.

— Пора выходить, если ты уже закончила с гастрономической критикой, — бросил он, глядя на Мику.

Она, с набитым ртом, только фыркнула и встала, демонстративно отбросив недоеденную булочку в сторону.

Мост Понс Ангастас мы пересекали пешком. Контраст с прошлым разом был разительным. Тогда был страх, неизвестность, напряжение. Теперь была эта нелепая процессия.

Мика сразу же взялась за Адама. Она наклонилась, набрала в ладони рыхлого снега с края моста и швырнула в него снежком. Попала в спину.

Адам обернулся, вспышка злости сменилась изумлением.

— Ты что, обалдела?

— Морозно! Разогреваюсь! — крикнула она и пустилась бежать по мосту вперед, смеясь.

Адам, после секундной паузы, рванул за ней, как заведенный. Они скрылись впереди, их смех и крики уносил ветер. Их дуэт, начавшийся за обеденным столом с пошлых шуток, теперь вышел на физический уровень. Мика работала по плану: оттягивать на себя внимание Адама, оставляя меня наедине со Скаем.

Я молча шла, наблюдая за ним, идущим впереди. Он шел ровно, чуть ссутулившись, руки глубоко в карманах куртки. Его длинные волосы развевались на ледяном ветру. Он был абсолютно молчалив и отстранен. Казалось, между ним и этим миром — снежками, смехом, мостом — стояла толстая, невидимая стена из стекла, и он был в своем коконе.

Я догнала его, шла рядом. Он не ускорился, но и не замедлил шаг. Просто шагал параллельно.

— Прости за вчера, — тихо сказала я, глядя вперед, на убегающие фигуры. — За то, что втянули тебя в эту поездку.

Он без слов, едва заметно пожал плечом.

— Твои картины впечатляют, — продолжила я, меняя тактику. Говорить о том, что для него важно о его искусстве.

На этот раз он слегка повернул голову. Его светло-серые глаза, такие же холодные, как небо над нами, скользнули по мне.

— Спасибо, — выдохнул он, и слово было таким тихим, что его едва не унес ветер.

— Ты рисуешь каждый день?

— Когда... получается.

— А когда не получается?

Он на секунду задумался.

— Тогда жду вдохновения.

Это было самое длинное предложение, которое я от него слышала.

— В городе есть на что посмотреть? — спросила я, пытаясь увести разговор в безопасное, нейтральное русло.

Он покачал головой.

— Там всё как везде. Только тише.

Впереди Мика визгливо закричала — Адам поймал её и теперь угрожал вывалить в снег. Их возня была громкой, живой, чуждой всему, что олицетворял Скай.

Он вздрогнул от крика, чуть не сбившись с шага. Ему было физически некомфортно от этой бури эмоций.

— Не обращай внимания, — сказала я, не думая. — Она всегда такая.

Он кивнул, но было ясно, что он не мог не замечать происходящего. Он был как чувствительный прибор, регистрирующий каждый децибел хаоса.

Мы молча дошли до конца моста. Впереди уже виднелись первые дома Вальтерсхольма. Мика и Адам, запыхавшиеся, со снегом на одежде, ждали нас. Адам был раздражен, но глаза его горели азартом. Мика сияла победой — она добилась своего контакта, своей игры.

А Скай, подойдя, снова опустил глаза и встал в стороне, будто стараясь затеряться в пейзаже.

— Сначала кофе, — скомандовала Мика, едва мы ступили на улицы Вальтерсхольма. Городок и вправду был «тише» — чистые, пустые тротуары, редкие прохожие, которые кивали Адаму с подобострастным уважением.

Адам, все еще заряженный энергией их снежной битвы, без возражений потянул её за руку в первую же кофейню с милым, китчевым фасадом. Я пошла за ними. Скай за мной.

Кофе оказался отвратительным. Водянистым, с привкусом жженой бумаги. Мика, сделав один глоток, ничего не сказала. Её лицо стало каменным. Она молча застегнула молнию на куртке до самого горла, встала и вышла из кафе, хлопнув дверью так, что зазвенел колокольчик.

Мы втроем, ошеломленные, вывалились за ней. Она уже быстрым, решительным шагом шла по пустынной улице. Она шла к стоянке, где осталась наша машина.

Парни не понимали этого, возможно, вообще не знали о машине. Но я знала это точно.

Уже подходя к машине, она нажала на брелок. Машина замигала фарами, и щелчком открыла двери. Мика, с лицом трагической героини, идущей на эшафот, плюхнулась на переднее сиденье.

Адам замер рядом с пассажирской дверью. Его лицо выражало сначала недоумение, затем полное понимание.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Едем в настоящий город, — отрезала Мика, уже вставляя ключ в замок зажигания. — Там и сделаем шоппинг. А этот ваш суррогат меня не устраивает.

— Мы никого не предупредили, — тихо, но четко сказал Скай. Он стоял с другой стороны машины, бледный, его пальцы вцепились в верхнюю часть двери. — До города ехать три часа.

— Сколько тебе лет, малыш? — огрызнулась Мика, даже не глядя на него. — Двадцать? Тридцать? Иди спроси разрешения у папочки, если боишься.

Скай проигнорировал колкость. Его взгляд, полный чистой, неотфильтрованной паники, был прикован ко мне. Он искал точку опоры в этом рушащемся мире.

— Релл, — обратился он. В глазах читалась просьба остановить это.

Мой мозг просканировал варианты со скоростью света. Остаться — значит похоронить последний шанс на связь с внешним миром, окончательно погрузиться в их систему. Поехать — значит объявить открытый бунт. Последствия непредсказуемы, но Мика уже завела двигатель. А я не могла пойти против женщины, которая собралась на шоппинг.

Я встретила взгляд Скай. В его стеклянных глазах я читала ужас перед рывком в неизвестность.

— Да, — сказала я четко, глядя на Адама, переводя стрелки на него. — Едем в город. Кофе и правда отвратительный. И выбор одежды здесь, думаю, соответствующий. Адам, ты же хочешь, чтобы мы были довольны?

Я сыграла на его тщеславии, на его позерстве «стильного гида». И на его, возможно, скрытом желании самому вырваться из этой духоты, хотя бы на несколько часов.

Адам молчал, он метался между Микой за рулем, а её лицо уже было повернуто к лобовому стеклу, и мной. Он взвешивал риски.

Тишину разорвал ровный гул двигателя. Мика не давила на газ, но её пальцы барабанили по рулю.

— Соглашайся, — мягко, почти певуче произнесла она, не оборачиваясь.

Адам закрыл глаза на секунду. Потом резко кивнул, как будто сбрасывая с себя груз.

— Хорошо. Но только на шоппинг. И назад — к вечеру. Никаких глупостей.

Сдался перед её напором, и, возможно, перед своим собственным желанием увидеть, куда это приведет.

Он открыл заднюю дверь и грузно уселся внутрь.

Скай всё ещё стоял снаружи, держась за дверь, будто за край пропасти. Он смотрел на меня, задавая немой вопрос: «И ты?»

Я открыла дверь с другой стороны.

— Садись, Скай. Поедем. Всё будет... — я запнулась, не в силах солгать, что «всё будет хорошо». — ...иначе.

Он медленно отпустил дверь, обошел машину и сел рядом со мной на заднее сиденье. Прижавшись к дверце, он старался занять как можно меньше места, и уставился в свои колени, пытаясь скрыть учащенное дыхание.

Мика включила первую передачу, и машина тронулась. Мы выезжали из Вальтерсхольма, оставляя позади бутафорские домики, пустые улицы и давящую тишину.

Глава 7. Три часа на свободу

Машина мчалась по белой дороге, а внутри неё, в коконе из нагретого воздуха и приглушенного шума мотора, разворачивался странный сеанс групповой терапии. Напряжение не испарилось, но сменилось другим — настороженным любопытством.

Парни были напряжены. Адам сидел, скрестив руки, и смотрел в своё окно, но взгляд его был пустым, направленным внутрь — он прокручивал последствия, строил оправдания, готовился к отцовскому гневу. Скай рядом со мной был сжат в тугую, болезненный комок. Казалось, он даже не дышал, чтобы не привлекать внимания. Они оба были в ловушке, которую захлопнула Мика.

Мика решила сделать вид, что в упор этого не видит. Она включила другую программу — программу «нормальности». Наклонив голову к зеркалу заднего вида, она начала наши стандартные, наработанные годами дружбы-вражды разговоры, в рамках допустимого. Те, что звучали как болтовня легкомысленных подружек, но на самом деле были проверкой связи.

— А помнишь, Релл, как мы ездили на тот фестиваль в пустыне? Где пять дней не могли прийти в себя от музыки и пыли, а потом еще столько же — от тишины?

Её настроение было легким и игровым. Она создавала параллельную реальность — мир, где мы были просто девчонками, а не шпионками в машине с заложниками.

— О да, — поддержала я, заставляя свой голос звучать тепло. — А помнишь, как мы искали нашу палатку в темноте и наткнулись на тех французов с абсентом?

— А помнишь, — подхватила она, уже с азартом, — как мы после Кубы полетели на те острова отдыхать? И были такими пьяными в аэропорту, что не могли понять, на каком языке говорит стюардесса, а в самолете проспали всю дорогу, скрючившись друг на друге?

Мы вспоминали наши обычные приключения, в которых была только молодость, глупость и свобода.

— А помнишь, Релл, тот паб в Эдинбурге, где мы поспорили, кто дольше просидит, слушая эту фолк-группу, что играла одни и те же три аккорда? — она закатила глаза, и на её лице появилась живая гримаса отвращения. — Мы проиграли только потому, что у меня лопнул каблук, когда я пошла в туалет, и я упала прямо на музыкантов.

— Они не перестали играть, — добавила я, чувствуя, как невольная улыбка тронула мои губы. Воспоминание было дурацким и ярким. — Басист помог тебе встать, не пропустив ни одной ноты.

— Ага, а ты тем временем стащила у них со стола полбутылки виски! — рассмеялась Мика.

— Чтобы оплатить твой потенциальный судебный иск за моральный ущерб, — парировала я.

Адам слушал, подперев кулаком подбородок. Его циничная маска дала трещину, и он не выдержал.

— Вы реально так жили? — спросил он, с тем же любопытством, с которым смотрел на Мику за обедом. — Без планов и последствий?

— Последствия были, — фыркнула Мика. — Жуткое похмелье, пустой кошелек и куча дурацких фото. Но да, так жили. Иногда.

— И что, часто так падаете на музыкантов? — спросил он с едва уловимой усмешкой.

— Только на талантливых, — бойко ответила Мика. — Это наш способ выразить признательность. Физически. А у вас что, тут концертов не бывает? Никакой музыки, кроме шума воды в источниках?

Адам пожал плечами.

— Отец считает, что большая часть современной музыки — это шум, загрязняющий сознание. Иногда включаем классику или записи звуков природы.

— Звуков природы, — передразнила его Мика, но без злобы. — Ну, мы в пустыне на том фестивале тоже природы наслушались. Ветер выл так, что заглушал все группы. Это было эпично.

Скай, до сих пор молчавший, вдруг спросил, глядя в пространство перед собой:

— А цвета? На том фестивале. Какие были цвета?

Вопрос был таким неожиданным и таким странным, что мы замолчали. Мика посмотрела на него с новым интересом.

— Цвета? О, это было что-то. Песок переливался, был золотой и становился розовым на закате. Небо — фиолетовое, до черноты. А люди все в неоновом: розовые парики, синие ботинки, костюмы со светодиодами. Как огромная, движущаяся картина. А ночью — лазеры. Зеленые, синие, желтые.

Она говорила, а Скай слушал, слегка приоткрыв рот, будто пробуя эти описания на вкус. Его пальцы слегка пошевелились на коленях, как будто он держал воображаемую кисть.

— У нас цвета другие, — тихо сказал он. — Зимой — белый, серый, черный от веток. Иногда синева льда. Летом — зелень, но она очень зеленая. А в теплице розы бывают алые, как кровь.

Последнее сравнение вырвалось у него неожиданно, и он тут же замолчал, смутившись.

— Кровь — это сильно, — одобрительно кивнула Мика. — А у меня один раз был парень-художник. Он пытался меня нарисовать. Говорил, у меня «ядовито-персиковый» цвет губ и «тревожный» взгляд. Получилось ужасно. Я выглядела как больная проститутка в клубах дыма.

Адам фыркнул.

— Звучит правдоподобно.

— Ага, а тебя, я смотрю, много художников рисовало? — парировала Мика, поворачиваясь к нему.

— Отец заказывал портрет семьи, когда я был подростком, — сухо сказал Адам. — Я просидел десять сеансов, и это было пыткой. Художник все время говорил: «Расслабься, юноша, покажи душу». А я думал только о том, как бы сбежать на улицу.

— И что, сбежал? — спросила я.

— На одиннадцатом сеансе «случайно» опрокинул баночку с растворителем ему на почти готовый холст, — на лице Адама промелькнула хитрая, мальчишеская ухмылка. — Отец был в ярости, а художник — в отчаянии. А я получил месяц дополнительных обязанностей на кухне, но портрет так и не закончили.

Мы рассмеялись. Даже Скай издал тихий, похожий на вздох звук, который можно было принять за смешок.

— А у нас в академии, — вдруг сказала я, ловя эту волну, — был преподаватель по анатомии для художников. Он заставлял нас часами рисовать одни и те же мышцы, пока они не начинали сниться. А потом водил на скотобойню. Говорил: «Хотите рисовать жизнь — увидите смерть». После первого раза Мика, которая пришла со мной из любопытства, три дня не ела мясо.

— И до сих пор предпочитаю не вспоминать, — с драматической дрожью в голосе сказала Мика. — Зато Релл нарисовала тогда лучшую в своей жизни работу. Мрачную, жуткую, но сильную. Её даже на выставку взяли.

Я поймала на себе взгляд Ская.

— Вы выставлялись?

— Однажды, — коротко кивнула я. — Потом поняла, что не хочу, чтобы мои внутренние состояния так висели на всеобщем обозрении. Перешла на танец. Там то же самое, но движения улетучиваются, не оставляя следов.

— Остается память у зрителя, — тихо возразил Скай. — И отклик в теле и это тоже след. Его замечание было настолько точным и неожиданным от того, кто казался полностью оторванным от мира, что я на секунду онемела.

— Да, — согласилась я. — Ты прав.

Адам наблюдал за этим обменом, его взгляд скользил между мной и Скаем.

— Вы двое говорите на одном языке, — констатировал он.

— Языке зануд, — парировала Мика, но беззлобно. — А у меня язык простой: хочу — говорю, не нравится — кричу, нравится парень — целую. Всё просто.

— Примитивно, — огрызнулся Адам, но уже без прежней едкости.

— Зато эффективно, — она высунула ему язык.

Атмосфера в машине и правда разрядилась. Мы не стали друзьями, но перестали быть незнакомцами.

Машина въезжала на окраины настоящего города. Впереди замигали огни, появились другие автомобили.

— Вы живете здесь? — спросил Скай, глядя на первые многоэтажки, проплывающие за окном.

— Нет, — отрезала Мика, не давая мне ответить. — Я в пригороде столицы. Дом-скворечник, соседи-зануды, свой маленький ад в формате 3D. А Релл — в мегаполисе. В самом центре. У неё травма детства, она хочет, чтобы здания подпирали облака и заглушали все остальные звуки.

Она сказала это с такой небрежной легкостью, что даже я на секунду поверила в эту выдуманную версию моей жизни. «Травма детства». Она, сама того не зная, попала очень близко, но не здания заглушали звуки, я сама их заглушала, выбирая шум города над тишиной собственных мыслей.

В этот момент мой телефон, лежавший на коленях, завибрировал и заиграл короткой, стандартной мелодией вызова. Все вздрогнули, будто от выстрела. Звук был настолько чуждым, резким после долгого молчания и их тихих разговоров. На экране горело имя: КЕВИН.

Адреналин ударил в виски. Кевин. Значит, снаружи что-то происходит. Или он просто делает контрольный звонок. Я сбросила вызов быстрым движением пальца, ощущая на себе тяжелые взгляды. Набрала сообщение: «Перезвоню». Отправила.

— Кто там? — мгновенно спросила Мика, ее глаза стали острыми, как у хищницы, учувшей кровь. — Вычислили, что мы в сети?

— Кевин, — коротко ответила я, пряча телефон. — Потом перезвоню.

— Парень? — вырвалось у Ская. Он произнес это слово, и сам, кажется, удивился своей прямооте. Его щеки чуть порозовели.

Мика уловила этот нюанс быстрее меня. Её взгляд скользнул от Ская ко мне, и в её глазах вспыхнуло понимание, смешанное с едкой усмешкой.

— По имени непонятно, что не девочка, — сказала она, играя с ним. Она поняла, что он имел в виду не пол, а принадлежность.

— Не мой, — успокоила я его, и мой голос прозвучал мягче, чем планировала. Зачем я это сказала? Чтобы не смущать его дальше? Чтобы отсечь ненужные вопросы? Но фраза повисла в воздухе, приобретая лишний вес. Не мой. Значит, мог бы быть? Или просто констатация: нет, это не романтический интерес.

Скай кивнул, опустил глаза, но его плечи, кажется, разжались еще на миллиметр.

Мика, видя, что инцидент исчерпан, быстро переключилась. Она вытащила свой телефон и почти силой всучила его Адаму, который до этого молча наблюдал за этой пантомимой с каменным лицом.

— Включай навигацию. И ищи вот эту сеть кофеен, — она ткнула пальцем в экран, где уже был открыт браузер с логотипом крупной международной сети. — Едем туда, а после —

на шоппинг. Кстати, — она обвела взглядом обоих парней, — у вас хоть деньги есть? Или вы тут всё натурой меняете?

— Денег нет, — тихо, но четко сказал Скай. Он полез в карман своей темной куртки и достал тонкую серебряную карту крупнейшего банка. — Только карта.

Он держал её двумя пальцами, как будто не понимал, как ей пользоваться.

Мика посмотрела на карту, потом на его серьезное, сосредоточенное лицо, и её губы растянулись в широкой улыбке.

— Детка, — протянула она с сладкой ядовитостью, — значит, сегодня платишь ты. Твой первый опыт самостоятельных трат. Гордись.

Скай медленно спрятал карту обратно, словно обжегшись.

Адам, тем временем, молча вбивал адрес в навигатор. Его лицо было непроницаемо, но я видела, как напряглись мышцы его шеи.

Навигатор ожил, женский голос велел повернуть налево. Мы въезжали в пульсирующий, шумный, живой город: реклама, люди, машины, светофоры. Мика жадно впитывала всё это, будто глоток воздуха после удушья.

Кофе парням понравился. Они сидели за маленьким столиком, держа в руках бумажные стаканчики, и первый глоток вызвал у них почти синхронную реакцию: у Скай — удивленное расширение глаз, у Адама — оценивающее прищуривание. Он был горько-сладким и бодрящим. Истинное удовольствие того мира, от которого отrekliсь парни.

Мика, тем временем, купила себе огромный ролл с клубникой и бананом. Она уселась и, с театральным наслаждением откусив кусок, закатила глаза.

— Это божественно, — декларировала она, и слюнки текли не только у неё. Она поймала взгляд Скай, который наблюдал за ней с чистым, детским любопытством. — Хочешь?

Он кивнул, почти незаметно. Она протянула ему ролл. Он осторожно откусил. Его лицо озарилось чистой улыбкой.

— Это вкусно, — в его голосе звучало настоящее открытие.

Но Мика следила не за ним. Её взгляд был прикован к Адаму. Она ждала его реакции на эту почти интимную сцену — она делится едой с его тихим, странным братом. Адам отреагировал, как и предполагалось: его лицо на мгновение исказила гримаса — смесь раздражения и ревности, но он отпил кофе, делая вид, что не заметил.

Кофейня находилась на первом этаже огромного торгового центра. За стеклянными стенами бушевал настоящий мир: толпы людей, гул голосов, мерцание экранов. После пустоты Вальтерсхольма это было как попасть в эпицентр извержения вулкана жизни.

Мика, допив кофе, резко встала. Она сбросила с себя куртку и, не глядя, швырнула её на стул, а мне в руки сунула ключи от машины.

— Ходить будем долго, а внутри и так сауна! — бросила она и, не оглядываясь, побежала внутрь торгового центра, растворяясь в потоке людей.

Я сделала то же самое — сняла куртку, сложила её на стул поверх своей сумки. Парни наблюдали за мной, не понимая.

— Если носить с собой, будет тяжело и жарко, — объяснила я просто, как само собой разумеющееся. — Оставим вещи в машине. Так все делают.

Они переглянулись. Адам, скрипя зубами, скинул свою черную куртку. Скай, после секундного колебания, последовал его примеру, аккуратно сложив свою. Они оба остались в тонких свитерах, и без своих униформ внезапно стали выглядеть моложе, уязвимее. Просто два привлекательных, слегка потерянных парня.

Я забрала все вещи и вернулась к машине, как раз набрала Кевина.

Он ответил почти сразу, сдавленным голосом, как будто говорил, прикрыв трубку рукой.

— Аллю.

— Кевин, привет. Есть новости? — сразу спросила я, никаких «как дела», сразу к делу.

— Я посмотрел материалы о смерти Дельгато, — сказал он, тем самым полицейским тоном, который означал: тут что-то нечисто. — Там все очень странно, Релл. Очень. Вам надо съездить к его вдове. Сидеть в вашем Вальтерсхольме — тратить время, вы там ничего не нарвете.

Мое сердце упало и тут же забилося чаще. Он подтверждал мои худшие подозрения. Это не была тихая утопия сумасшедшего.

— Конкретнее, — попросила я, сжимая телефон.

На той стороне послышался звук перелистывания бумаг.

— Лабораторная авария, да. Взрыв, пожар. Тело неопознаваемо. Но, Релл, слишком чисто и удобно. И за неделю до этого, угадай, с кем Дельгато поссорился? Настолько, что бросил все свои проекты в собственном научном центре? Накануне.

Холодная игла прошла по позвоночнику.

— Уотсон? — выдохнула я.

— Он самый, — подтвердил Кевин. — Твой меценат-затворник. Их связь была не просто дружбой, они партнёры. И что-то между ними сломалось. А через неделю Дельгато — мёртв. А ещё через полгода Уотсон покупает землю и начинает строить свой рай.

Картинка складывалась в мозаику, и она была ужасной. Возможно, они вместе что-то создали, и Уотсон потом это присвоил.

— У него сбежала жена с дочерью, — тихо сказала я, глядя в окно, где в отражении мелькали силуэты покупателей. — Остался с двумя сыновьями. Ты знаешь про это?

— Узнаю, — коротко бросил Кевин. Потом пауза. — Релл, будь осторожна. Если он что-то скрывает, а он скрывает, это итак ясно, то вы там, на его территории, как мыши у кота. Кот пока играет. Поняла?

Я поняла, даже слишком хорошо.

— Мне пора идти, — сказала я. — Я позвоню, как только смогу.

— Жду. И держи ухо востро. Твой истеричный цыпленок тоже пусть не высовывается.

Он положил трубку. Я опустила телефон, чувствуя, как ладони стали влажными. Информация Кевина была динамитом, Уотсон мог вполне быть возможным убийцей Дельгато.

Я пошла обратно.

Торговый центр кишел людьми. Огромные, ярко освещённые витрины сверкали тканями, электроникой, безделушками. Посредине, под стеклянным куполом, бил разноцветный фонтан, вокруг которого толпились дети. В воздухе висел густой коктейль запахов: кофе, попкорна, парфюмерии из тестеров, жареной еды из фудкортков. Громкая, навязчивая музыка накладывалась на гомон голосов, на скрежет эскалаторов, на звонкие оповещения из динамиков.

Для меня это был привычный, почти родной шум. Фон моего прежнего существования.

Для них это был ад.

Я видела, как Скай съезжился при первом же звуковом ударе. Его и без того большие глаза стали огромными. Он смотрел по сторонам, и его взгляд не успевал фокусироваться — он скользил по лицам, вывескам, мерцающим экранам, как по калейдоскопу угроз. Он был похож на человека, которого выбросили из тихой комнаты прямо на рок-концерт. Его пальцы нервно перебирали край свитера.

Адам держался лучше. Его лицо было маской холодного презрения, но и его зрачки были расширены. Он шел, стараясь не задевать людей, его плечи были напряжены, будто готовились к удару. Этот хаос, эта неподконтрольная, буйная жизнь были всем, что он презирал. И теперь он был в её эпицентре.

Мы шли за Микой, которая уже лихо лавировала в толпе, направляясь, судя по всему, к отделу с яркой, дерзкой одеждой. Я шла между парнями, чувствуя, как их напряжение излучается, как тепло от раскаленных плит.

— Нормально? — тихо спросила я Ская.

Он кивнул, но это был механический кивок. Он был поглощен обработкой этого сенсорного кошмара.

Адам скривил губы.

— Как они тут живут? Это же безумие. Никакого покоя.

— Кому-то нравится, — пожала я плечами. — Это энергия движения.

— Выбор между тридцатью видами джинсов и пятнадцатью ароматами геля для душа? — он фыркнул. — Это не выбор. Это иллюзия выбора, чтобы отвлечь от его отсутствия в главном.

Он был циничен, но не полностью неправ. И в его словах слышалось эхо отцовских мантр о «грязи» и «чистоте». Только теперь он видел эту «грязь» воочию. И, возможно, впервые задумывался, не является ли его стерильный покой такой же иллюзией.

Мы догнали Мику у стойки с блестящими платьями. Она уже всю перебирала вешалки, её глаза горели азартом потребителя. Она обернулась, увидела наши бледные лица, и её улыбка стала еще шире.

— Ну что, мальчики? Понравилась цивилизация? Теперь понимаете, от чего бежали? — Она не ждала ответа. — Релл, иди сюда, посмотри на это платье! Скай, как думаешь, этот цвет мне идет? Адам, не скучай, выбери себе что-нибудь менее мрачное.

Она бросила их в самый водоворот, зная, что они не справятся. И наблюдала, как они тонут.

Дальше Мика пошла в отдел купальников — в большой, ярко освещенный зал магазина женского белья. И здесь, среди кружева и шелка, их ждал новый шок.

Стены были увешаны плакатами с полуобнаженными, идеальными девушками в открытых позах. Улыбки, загорелая кожа, томные взгляды. Это была агрессивная, коммерческая эротика высшей пробы.

Адама это привело в восторг. Он остановился, запрокинул голову, и на его лице расплылась та самая, насмешливая ухмылка.

— Ну что ж, — протянул он, — хоть что-то в этом вашем мире сделано со вкусом. Пусть и дешевым.

Он изучал плакаты с видом знатока, как будто оценивал не женщин, а качество печати, но его глаза блеснули. Это была его стихия — вызывающая, поверхностная, эстетизированная красота без души. Здесь он чувствовал себя как дома, может, даже больше, чем в Вотиве.

Скай же, напротив, впал в полное, болезненное смущение. Он замер на месте, уставившись в пол, а его щеки залились таким густым румянцем, что, казалось, вот-вот лопнут капилляры. Он стоял, скрючившись, стараясь сделать себя как можно меньше, невидимым для этих гигантских, улыбающихся изображений.

Мика, заметив эту полярную реакцию, лишь хихикнула. Её план работал лучше, чем она могла надеяться.

— Адам, иди сюда, поможешь выбрать, — бесцеремонно взяв его за локоть, потащила за собой вглубь зала, в царство стеллажей с бесчисленными рядами женских трусов, бюстгалтеров, комплектов. Она погружала его в самое сердце «женского», зная, что его циничный фасад тут может дать трещину, а его «стильный» взгляд столкнется с практической необходимостью выбора ткани и фасона.

Адам, сначала сопротивляясь, потом сдавшись, пошел за ней, оглядываясь по сторонам со смесью недоумения и того самого, опасного интереса. Он был как кот, которого сунули в коробку с блестящей мишурой — раздражен, но увлечен.

Я осталась со Скаем. Он стоял, не двигаясь, будто приклеенный к месту у входа в отдел.

— Пойдем, — тихо сказала я. — Не надо тут стоять.

Он кивнул, не глядя на меня, и пошел за мной, как послушный робот. Он шел за мной, прячась за моей спиной, используя меня как живой щит от плакатов, от взглядов продавщиц, от

всего этого ослепительного, пугающего изобилия женственности. Он шагал неуверенно, пытаясь не смотреть по сторонам, уставившись в мою спину, как в единственную точку опоры в этом безумном мире.

Мы бродили по периметру, вдаль от самых откровенных витрин. Я притворялась, что что-то рассматриваю, давая ему время прийти в себя. Через пару минут его дыхание стало чуть ровнее, но напряжение в его плечах не спадало.

— Тут всегда так? — тихо спросил он, наконец, глядя куда-то мимо моей руки, держащей кружевной топ.

— В больших магазинах — да, — ответила я. — Это чтобы создавать образ и желание его купить.

— Желание, — повторил он. — Оно должно быть таким громким?

В его мире желание, если оно и было, должно было быть тихим, личным, возможно, даже стыдным. А здесь его кричали с плакатов, упаковывали в яркую обертку, выставляли на всеобщее обозрение.

— Для них — да, — сказала я. — Иначе не заметят. Нужно выбрать купальник для источников, помогай, — сказала я, когда мы оказались в относительной тишине у стойки с более приличными моделями.

Скай кивнул с серьезностью. Он подошел к вешалкам и начал методично, почти научно их перебирать. Его длинные пальцы осторожно ощупывали ткани, скользили по швам, отодвигали одну модель за другой. Он не смотрел на ценники или бренды. Он изучал форму, цвет, фактуру, как художник за работой.

В его сосредоточенности было что-то детское и абсолютно отстраненное от сексуального подтекста задачи. Пока. Но я видела, как его взгляд задерживается на чем-то, и щеки начинают слегка розоветь.

Наконец он выбрал и вытащил, пожалуй, самый откровенный комплект во всем отделе. Откровенные бикини: две тонкие ниточки сзади, которые должны были держаться на честном слове и надежде, и три маленьких треугольника спереди — минимализм, граничащий с отсутствием. Цвет — глубокий, бархатистый черный. Он протянул его мне, не глядя в глаза, уставившись куда-то в район моего плеча.

— Этот, — сказал он с уверенностью в эстетическом решении.

Я взяла в руки этот клочок ткани.

— Может, этот? — указала я на соседнюю вешалку, где висел спортивный, полностью закрытый купальник черного цвета, но функциональный, строгий, как гидрокостюм.

Скай нахмурился, его брови сошлись. Он посмотрел на мой выбор, потом снова на тот, что держал.

— Этот, — он кивнул на «ниточки», — тебе пойдет больше.

Он произнес это с той же отстраненной, аналитической уверенностью. Но затем добавил, и слова вышли чуть быстрее, будто против его воли:

— У тебя хорошее тело. Логично показать его.

И тут пришло осознание сказанного. Его глаза встретились с моими, и в них вспыхнула та самая, знакомая паника. Он сам того не понимая, признал, что рассмотрел всё что мог рассмотреть тогда за уборкой, проанализировал это и сполна оценил. А теперь сгорал от стыда, потому что эта оценка прозвучала вслух и была личной.

Я не сомневалась в его эстетическом чутье. Проблема была в другом: я тоже поняла, что он всё-таки разглядел. Он увидел форму, пропорции, потенциал для «показа линий». И этот факт — что его художнический взгляд был направлен на моё тело — смутил его до глубины души сильнее, чем любые плакаты.

Он стоял с пылающим лицом, держа в руках этот черный соблазн, а взгляд умолял меня либо принять его выбор, либо немедленно прекратить это мучение.

Я медленно убрала спортивный купальник обратно на вешалку.

— Спасибо, — сказала я спокойно, беря у него из рук бикини. — Ты прав. Для источников лучший выбор.

Он выдохнул, паника пошла на убыль, сменившись облегчением и, возможно, гордостью за то, что его профессиональное мнение было принято.

Скай оплатил купальник своей серебряной картой с сосредоточенной серьезностью. Кассирша бросила на нас любопытный взгляд — странная пара: бледный, красивый парень с длинными волосами и отстраненная девушка с пустыми глазами. Мы взяли пакет и пошли искать Мику и Адама.

Их нигде не было.

Мы заходили в магазины одежды, бутики, даже в отдел электроники. Никаких следов. Я звонила Мике — гудки уходили в пустоту. Скай пытался дозвониться Адаму — тот сбрасывал или не брал трубку.

Нервозность Скай была тихой, он ходил за мной, его взгляд тревожно сканировал толпу.

Я нервничала, потому что знала Мику. Ее «другие планы» никогда не были безобидными. И в свете звонка Кевина эта ее самостоятельность пахла катастрофой.

Мы сели в фудкорте, взяли еду: я — суп, Скай — простой сэндвич, который он разобрал на составляющие, прежде чем начать есть. Мы должны были возвращаться. На дворе сгустились сумерки, а трехчасовой путь обратно висел над нами дамокловым мечом.

— Они не могли уйти, — тихо сказал Скай, не глядя на меня. — Машина здесь.

Он мыслил логически и был прав. Мика могла просто сесть и уехать с Адамом и бросить нас здесь

Инстинктивно я полезла в карман за телефоном, чтобы проверить её блог. Если она что-то задумала, она не удержится от искушения.

Я открыла приложение, и лента обновилась.

И там, в самом верху, был свежий пост. Всего полчаса назад. Несколько фото.

Первое: дерганный кадр из примерочной. В зеркале — Мика, стоит в красном платье с глубоким вырезом, смотрит в камеру с вызовом, губы подкрашены её ядовито-красной помадой.

На заднем фоне, в дверном проёме примерочной, была видна фигура. Мужская. Высокая, в тёмной одежде. Лица не было видно, только силуэт, наклоненный вперед, будто что-то говорящий ей на ухо или просто стоящий опасно близко. Но я узнала осанку, тот самый насмешливый наклон головы Адама.

Подпись: «Когда твой гид по аду предлагает сменить маршрут. #исследованиеграниц #неожиданныйповорот #Вальтерсхольм».

Второе фото было ещё опаснее. Крупный план её руки, сжимающей мужскую руку с чётко очерченными венами и тёмным закатанным рукавом, слишком интимно.

Третье: зернистый темный кадр, сделанный, похоже, в лифте или в узком коридоре. Две тени плавнотсливающиеся в одну. И снова подпись-провокация: «Иногда, чтобы докопаться до правды, нужно опуститься в самые темные уголки. И там не всегда страшно. #расследование #личныйвклад #секстинг.»

Я слотнула комок восхищения, она пошла ва-банк. «Взяла его на тёмные желания», как она выразилась бы сама. Она заманила Адама в самую примитивную женскую ловушку.

Я подняла глаза и посмотрела на Скай. Он смотрел на мой телефон. Он не был активным пользователем соцсетей, но базовое понимание у него было, и он узнал силуэт брата.

— Нам нужно их найти, — сказал он, и его голос был тише шепота, но резал слух. — Сейчас.

Глава 8. Последний шанс на ложь

Удача была на нашей стороне. Мы вышли из фудкорта, и они шли нам навстречу, вынырнув из потока людей у входа в кинотеатр. Оба улыбались: Мика — как победитель, а Адам — со сдержанной ухмылкой, как человек, сорвавший банк в казино, но еще не решивший, радоваться этому или бояться.

Скай, не говоря ни слова, резко направился к брату, схватил его за локоть и отвёл на пару шагов в сторону, к стене с плакатами. Они встали так, что я видела их профили. Скай говорил что-то быстро, с каменным лицом. Адам сначала отмахивался, потом нахмурился. Он достал телефон, посмотрел на экран, и его лицо исказила гримаса. Он что-то резко ответил Скаю, жестикулируя. Тот лишь покачал головой, оставаясь в непреклонной позе.

Я тем временем подошла к Мике.

— Какой план? — спросила я тихо, глядя ей прямо в глаза.

— Остаёмся тут на ночь, — выпалила она, не моргнув глазом. — Гостиницу рядом уже присмотрела.

Это был чистый, безумный авантюризм. Провокация на грани самоубийства.

— Ты уверена, что хочешь провести ночь с Адамом? — спросила я, пониз голос ещё ниже.

Она на секунду задумалась, а потом пожала плечами.

— Нет. Я просто забавляюсь. Но... — она бросила взгляд на братьев, где Адам теперь яростно что-то доказывал, а Скай слушал с тем же ледяным спокойствием, — ...делаем всё, чтобы остаться. Нам нужна эта ночь.

В этом была своя логика. Ночь вне досягаемости Уотсона, чтобы попытаться вывернуть Адама наизнанку в более контролируемых условиях.

— Поняла, — сказала я.

Она прищурилась, изучая мое лицо.

— Так быстро согласилась? — едко спросила она. — Хочешь провести ночь со Скаем?

Вопрос прозвучал как удар, вскрывающий то, о чем я сама боялась думать. Эта хрупкая, опасная связь, это странное доверие, этот его взгляд...

— Нет, — ответила я ровно, без колебаний. Потому что это был единственный возможный ответ.

Она усмехнулась, не веря или не желая верить.

— Ладно, как знаешь. Тогда считай это служебной командировкой. Я работаю с Адамом. Ты приглядывай за младшим. Не дай ему сбежать или паниковать, а можешь и соблазнить — вообще шикарный вариант.

В этот момент к нам подошли братья. Адам был мрачен, его первоначальный азарт полностью выветрился, сменившись тяжкой, опасной злобой. Он смотрел на Мику как на проблему, которую нужно решить. Скай стоял рядом, с полностью непроницаемым выражением лица.

— Отец звонил, — отрезал Адам, глядя на Мику.

Это было предсказуемо. И всё равно от его слов похолодела кровь.

— И? — бросила Мика, приподняв подбородок. — Что, запретил взрослому сыну переночевать в городе? Вас же не в комендантский час запирают?

— Он велел возвращаться, — прошипел Адам. — Немедленно.

— Мы не вернемся, — спокойно сказала Мика. — Машину я не поведу. Кто хочет — садится. Кто нет — может идти пешком или звонить папочке за такси. Но я еду в гостиницу. Спать.

Адам сжал кулаки. Он метался между яростью, страхом перед отцом и, возможно, пьянящим интересом к продолжению. К этой ночи, которая сулила неизвестность и, возможно, власть над этой женщиной, которая так нагло играла с огнем.

Скай посмотрел на меня. В его взгляде был немой вопрос: «Что будем делать?»

Я медленно кивнула, почти незаметно.

Адам, увидев наш молчаливый сговор, с силой выдохнул. Он проиграл этот раунд или выиграл то, чего сам до конца не понимал.

— Черт с вами, — пробормотал он. — Где эта ваша гостиница?

Мика сияла.

Гостиница находилась в двадцати минутах езды. На ресепшене, конечно же, оказалось всего два свободных номера. «Как иначе», — подумала я без удивления. Судьба или расчет Мики — неважно. Расклад был предопределен.

Мика улыбалась, получая карты-ключи от облаченной в строгий костюм администраторши.

— Это ваш номер, — протянула она одну карту парням, не глядя, кто именно возьмет. — А это — наш.

Адам взял карту, его пальцы сжали пластик так, что он хрустнул. Он посмотрел на сияющий клуб через дорогу, потом на Мику. Он был на грани.

— Как насчет... сходить в бар? — предложил Адам с напором. Он проверял границы: не хочет ли она сразу в номер? Или...

— Я — за, — сказала я сразу, четко, не дав Мике ответить.

Я получила от неё мгновенный одобряющий взгляд. «Моя ты умница», — читалось в её глазах. Бар — это растягивание времени, разведка, возможность выпить и развязать языки в более нейтральной, публичной обстановке, прежде чем запереться в номерах. Бар был стратегически верен.

Мика широко улыбнулась.

— Отличная идея! Размяться перед... сном. Скай, ты с нами?

Все взгляды устремились на него. Он замер, его глаза метнулись ко мне, потом к брату, потом к зловеще пульсирующему входу в клуб. Он был как загнанный зверь. Бар — это еще не ад клуба, но все равно шум, люди, алкоголь. Но остаться одному в номере, когда брат и эти две непредсказуемые женщины идут в бар, это было, возможно, еще страшнее.

Он кивнул.

— Супер! — Мика хлопнула в ладоши, и этот звук был резким, как выстрел, в тихом лобби. — Сбрасываем вещи в номера и идём!

— Позже, — сказал Адам, — мы вернемся в торговый центр — прикупим прикид на вечер!

— Номер 512, — спокойно произнесла Мика, — мы вас ждем!

Наш номер был стандартным: телевизор, мини-бар и одна большая кровать. Мика швырнула свои сумки на неё и сразу же полезла в мини-бар, доставая маленькую бутылку виски.

— На разогрев, — сказала она, откручивая крышку. — Ты молодец, что поддержала. Бар — это гениально. Там он расслабится, там можно будет поговорить, а после клуб и дикие танцы поближе, что бы дьявол не мог пролезть между нами!

— Ты уверена, что хочешь с ним «разговаривать» после того, что выложила? — спросила я, снимая куртку.

— Тем более, — она сделала большой глоток прямо из горлышка и поморщилась. — Он теперь точно захочет чего-то, а твоя задача — занять младшего. Не дай ему скучать или переживать. Если нужно — поговори с ним об искусстве. Благо, я потратила время с пользой и накупила одежду для нас двоих, а то твоя скромность до добра не доведет, — она ехидно подмигнула.

Я проигнорировала колкость.

— А что с Уотсоном? Он явно видел пост.

— Пусть видит, — отмахнулась Мика, но в её глазах промелькнула тень беспокойства.

— Пусть знает, что его сын не под полным контролем.

Она была безрассудна, но, возможно, права. В игре на выживание все средства хороши, даже публичный компромат на собственных «союзников».

Около девяти вечера в дверь нашего номера постучали. Я открыла и замерла.

Парни стояли на пороге, и они заметно преобразились.

Адам был в яркой, почти кислотно-зеленой футболке с каким-то абстрактным принтом и в новых, идеально сидящих темных джинсах. Он выглядел как стереотипный красавчик из ночного клуба — уверенный, насмешливый, заряженный агрессивной энергией. Его пирсинг сверкал в свете коридорных ламп. Он явно купил это всё сегодня, после нашего шоппинга, и уже успел вжиться в образ. Это был его ответ на вызов Мики: «Ты играешь со мной? Я покажу, как выигрывать».

Скай был другим. Он был одет строже: темные брюки, и рубашка из тонкой, темно-синей ткани была расстегнута на две пуговицы, обнажая ключицы и треугольник бледной, почти прозрачной кожи на груди. Его волосы, обычно свободно падающие, были собраны в небрежный хвост у затылка, но несколько темных прядей выбивались, обрамляя лицо. Он выглядел хрупко и элегантно. Он тоже играл роль, только его ролью была пародия на уверенность брата.

Мика вышла из ванной. Она была в открытом платье розового цвета, которое выбрал Адам. Оно облегалo ее, как вторая кожа, длина была вызывающе короткой. Ее волосы были уложены в идеальный беспорядок, макияж — яркий, агрессивный. Она была оружием, заточенным и заряженным.

Я стояла перед ними в комбинезоне с верхом корсетного типа, телесного цвета, усыпанным мелкими стразами. Ткань полупрозрачная, на грани, оставляющая все намеки и скрывающая детали. Он облегал торс, подчеркивая линию талии, переходя в широкие, струящиеся брюки из той же, но плотной ткани темного, почти черного оттенка. Это был наряд-амбивалентность: открытость верха и сдержанность низа. Броский и при этом скрытный. Идеально для меня и под стать Скаю.

Эффект на парней был очевиден. Адам засвистел низко, одобрительно, его взгляд скользнул по Мике с тем самым, властным интересом. Скай просто смотрел на меня с широко открытыми глазами. Это смущало его и, кажется, завораживало.

Адам протянул руку Мике, она спокойно положила свою ладонь в его.

Скай, видя это, повторил жест. Он протянул мне руку, явно пародируя брата, но без наглой уверенности.

Я взяла его холодную руку. От прикосновения по коже пробежали мурашки.

— А куртки? — спросила я, пытаюсь вернуть хоть каплю практичности в этот сумасшедший театр.

— Пройдём через лобби в бар, — тихо сказал Скай, не отпуская моей руки. — На улицу необязательно выходить. Мы всё узнали за вас.

Мы вышли в коридор — странная процессия: Адам и Мика впереди, их руки сцеплены, они шли, как два гладиатора на арену. Я и Скай сзади. Он всё ещё держал мою руку, и его холодные пальцы слегка сжались, когда мы подошли к лифту.

Мы вошли в бар. Музыка стала громче, воздух гуще от запахов алкоголя и духов.

Адам сразу же повел Мику к стойке, заказал что-то крепкое. Они погрузились в свой мир — мир слов с двойным дном, прикосновений, которые длились дольше необходимого, и взглядов, полных вызова.

Я и Скай остались чуть в стороне. Он наконец отпустил мою руку, будто вспомнив, что так не положено. Он стоял рядом, его взгляд скользил по залу, по брату, по бокалам на стойке...

— Ты хорошо выглядишь, — сказала я, потому что нужно было что-то сказать. Он вздрогнул и посмотрел на меня.

— Ты тоже, — выдавил он. Потом добавил, глядя куда-то мимо моего плеча: — я и не сомневался.

Мы нашли свободный диванчик в углу. Мика сразу же устроилась, облокотившись на Адама, как на свою законную территорию. Он, после секундного замешательства, спокойно перекинул руку через спинку дивана, обнимая её. Они склонили головы друг к другу и начали перешептываться. Их мир сузился до пространства между их лицами. Он был полон тихих обещаний, колкостей и опасного напряжения.

Скай был отстранен, сидел на краю дивана, не касаясь меня, его поза была скованной. Он смотрел на брата и Мику, потом на свой коктейль, будто пытался расшифровать их ритуал или просто переждать этот шум.

— Ты бывал в баре ранее? — спросила я, чтобы разовать тишину, которая висела между нами, пока рядом бушевала их тихая буря.

— Нет, — ответил он просто, не глядя на меня.

Потом он внезапно подвинулся. Не значительно, но достаточно, чтобы его плечо почти коснулось моего. От неожиданности я вздрогнула.

— Это чтобы слышать лучше, — тут же объяснил он, уставившись перед собой. Его щеки чуть порозовели. Он боялся, что его движение будет понято неправильно. Он не пытался сблизиться.

Я кивнула, принимая объяснение.

— Я больше люблю ночные клубы, — сказала я, глядя куда-то в пространство. Провокация? Констатация? Или просто чтобы что-то сказать.

Он повернул голову, и его стеклянные глаза наконец встретились с моими.

— Почему? — спросил он заинтересованно.

— Там можно раствориться и танцевать. И музыка приятнее.

Он нахмурился, как будто я сказала что-то на непонятном языке.

— И бьет по ушам, — сказал он.

Я не удержалась и чуть улыбнулась.

— Нет. Не бьет, а течет. Как краска по холсту.

Я использовала его язык ощущений, переведенных в метафоры.

Он задумался, взгляд стал расфокусированным.

— Краска... не течет сама. Её направляют, — сказал он наконец. — Или дают течь, но в рамках холста.

— Иногда холстом становится всё пространство, — возразила я мягко. — А ты — просто часть потока.

Он покачал головой, не соглашаясь, но и не споря.

— А ты танцевала бы сейчас? — неожиданно спросил он. Его взгляд скользнул по моему наряду, по корсету со стразами, который ловил отблески света. Как будто он представлял, как этот наряд двигался бы в другом месте. Под другой музыкой.

Вопрос застал меня врасплох.

— Сейчас? Здесь? — Я оглядела бар. Несколько пар кружились на крошечном пятчке перед живым музыкантом. — Здесь не то пространство, тут проще просто вести разговор. — Я кивнула в сторону Мики и Адама.

Он посмотрел на них. Мика закинула ногу на ногу, ее босоножка почти касалась его голени. Адам что-то шептал ей на ухо, и она смеялась тихим, хриловатым смехом.

— Они тоже танцуют, — тихо сказал Скай.

И снова он попал в точку. Их перешептывание, их позы, этот взгляд — это был скрытый танец, полный не озвученных правил и негласных шагов.

— Да, — согласилась я. — И у них свой ритм.

— А если пойдем в клуб, ты потанцуешь со мной? — вдруг спросил Скай. Вопрос прозвучал тихо, будто он боялся, что его перекричит музыка или собственный страх. Он не смотрел на меня, уставившись в дно своего стакана, но его плечо, все еще почти касающееся моего, напряглось.

Вопрос был настолько неожиданным, таким прямым и таким уязвимым, что я на секунду потеряла дар речи. Он, для которого клуб был синонимом акустического ада, предлагал войти в этот ад добровольно. И не просто войти, а совершить там действие — физический контакт.

— Конечно, — ответила я, не скрывая удивления.

Он кивнул, как будто просто зафиксировал договоренность, и сделал небольшой глоток своего мохито. Его уши, казалось, горели.

В этот момент Мика подняла телефон и, хихикая, сделала селфи. На экране мелькнуло их с Адамом лицо — её победная улыбка, его — напряженная, с гримасой. Она тут же начала тыкать в экран, явно выкладывая фото.

Адам мгновенно ожил. Он резко потянулся, пытаясь выхватить у нее телефон.

— Эй, что ты делаешь? Прекрати!

— Расслабься, красавчик, это же просто фото! — отмахнулась она, отворачиваясь от него и продолжая печатать.

— Фото с вами под запретом, да? — тихо спросила я, наблюдая за этой сценой.

— Нет, — ответил Скай, всё так же глядя вперед. — Хочешь сделать фото?

Его предложение было таким же неожиданным, как и предыдущее. Как будто он пытался следовать каким-то неписаным правилам светской жизни, которые видел вокруг.

— Я не веду соцсети. Почти, — ответила я. — А вот Мика...

— Он не хочет, чтобы она выкладывала фото, — тихо, но четко сказал Скай, перебивая. Он наклонился ко мне, и его шепот был теплым на ухе. — Потому что в Вальтерсхольме у него есть девушка. Уже года два как. — Он сделал паузу. — Спалил.

— Все-таки отношения не запрещены, — констатировала я, глядя, как Адам наконец вырывает телефон у Мики и яростно что-то стирает.

— Не запрещены, — подтвердил Скай, откидываясь назад. — Но и не поощряются.

Мика, оставшись без телефона, лишь закатила глаза и потянулась за своим коктейлем. Она не расстроилась. Она добила своего — спровоцировала реакцию, получила информацию. Она видела панику Адама. И теперь знала, что у него есть слабое место. Догадывалась ли, что это девушка?

Адам, погасив на телефоне экран, швырнул его обратно на стол перед ней. Его лицо было темным от ярости и смущения.

— Еще раз так сделаешь — и тебе конец, поняла?

— Ой, испугал, — фыркнула Мика, но больше не лезла. Ей было достаточно.

Скай наблюдал за этой сценой, и на его лице промелькнуло что-то вроде жалости к брату? Или ко всей этой ситуации?

Потом он снова повернулся ко мне.

— Значит, в клуб? — спросил он, возвращаясь к нашему договору.

Я посмотрела на него: на его серьезное, бледное лицо, на его глаза, полные решимости победить собственные страхи. На его руку, лежавшую так близко к моей на бархатной обивке.

— Да, — сказала я. — В клуб.

Он кивнул, и в уголках его губ дрогнуло что-то, что могло бы стать улыбкой, если бы он больше практиковался.

Глава 9. Первый сбой

— Идем в клуб, — озвучил Скай всем. Адам лишь мрачно кивнул, его алкогольное отупение и желание забыть про фото сделали своё. Градус в крови стирал осторожность.

Мика запищала от удовольствия — пронзительный, почти истеричный звук, вырвавшийся в такт мощному басу, доносящемуся с улицы. Это был её триумф.

Мы по морозу перебежали дорогу. Ледяной воздух ворвался в легкие, отрезвляя на секунду, но адреналин гнал вперед. Скай бежал рядом, его волосы развевались по ветру.

Внутри нас проглотил самый настоящий андеграунд. Звук ударил по телу, басы пробивались сквозь пол, отдаваясь в грудной клетке. Стробоскопы, выхватывающие из темноты обрывки лиц, тел, жестов на долю секунды, а потом снова погружающие все в черноту и дезориентацию.

Сразу пошли к барной стойке. Адам жестом вызвал бармена и заказал «плитку». Десять шотов текилы, лимоны, соль.

Первый мы выпили прилично. Огонь ударил в желудок, согревая изнутри, притупляя острые углы реальности. Второй — тоже. Горло обжигало, мир начинал немного плыть по краям. Мика уже хихикала, прижимаясь к Адаму, который смотрел на нее сверху вниз с тем же циничным интересом, но теперь его глаза были затуманены.

На третьем шоте Мика, с вызовом глядя на Адама, провела долькой лимона от уха до ключицы, оставив влажный, блестящий след на коже. Затем насыпала на это место дорожку соли, не сказав ни слова.

Адам наклонился, коснулся её кожи, и слизнул соль с лимонным соком одним движением языка. Мика зажмурилась, и по её лицу пробежала судорога — смесь отвращения и возбуждения.

Скай, стоявший рядом, смотрел на меня. В глазах читался вопрос. Он ждал, что же сделаю я.

Я пока сопротивлялась. Алкоголь уже плыл в голове, делая мир мягким и податливым, но контроль еще держался. До четвертого шота.

На четвертом начало заносить и меня. Теплая волна от желудка докатилась до мозга, смывая последние барьеры. Бармен пододвинул очередной шот. Лимонная сочная долька лежала рядом.

И я, поймав взгляд Скай, сделала своё дело. Не глядя на него, я взяла дольку лимона и медленно, нарочито небрежно, засунула её себе в рот, зажав между зубами. Желтая кожура, белая мякоть. Я не откидывала голову, чтобы выпить. Я просто стояла, держа лимон во рту, и смотрела на него.

Он понял и не стал ждать. Наклонился, его лицо приблизилось, и в следующий миг стробоскоп погрузил нас в темноту, а когда свет вспыхнул снова, его мягкие, прохладные губы уже коснулись моих, чтобы взять лимон.

Волна возбуждения прокатилась снизу вверх, заставив сердце бешено колотиться, а по спине пробежали мурашки.

Он отстранился так же быстро, держа в зубах лимон, с диким блеском в глазах.

Он откинул лимон и выпил шот.

— Танцевать, — всего одно слово, брошенное ему в ухо сквозь рев басов и пьяный гул. Мои губы почти коснулись его уха, чувствуя, как он вздрагивает.

Он поддался не раздумывая, пошел за мной, позволив увести себя с относительно безопасного пятка у стойки в самое пекло — на танцпол.

Сначала мы просто двигались. Против музыки, сквозь нее, вопреки ей. Не пытаясь попасть в ритм. Просто существовали в этом море тел. Я начала первой легкое касание бед-

рами. Плечом к плечу. Каждое движение было продумано: скольжение спиной по его груди, когда он оказывался сзади, намеренное отдаление, чтобы заставить его сделать шаг навстречу, когда я поворачивалась.

Мои руки скользили по его предплечьям, по напряженным от непривычной нагрузки мышцам. Я касалась его шеи, чувствуя под пальцами бешеный пульс.

И он сломался: агрессия вырвалась наружу из-под слоев застенчивости и контроля, он прижался ко мне всем телом. Его руки, до этого висевшие неловко по бокам или осторожно лежавшие на моей талии, стали жестче. Одна из них поднялась и пальцы коснулись моей шеи. Потом увереннее скользнули ниже, по ключице, к вырезу моего полупрозрачного корсета. Его дыхание стало горячим и прерывистым у моего виска.

Я убрала его руку, удерживая в своей, придвинулась еще ближе, так, что между нами не осталось и сантиметра.

Наши взгляды встретились в полумраке. В его глазах была ярость желания, которое вырвалось на свободу и теперь требовало удовлетворения. Была и растерянность, он не знал, что делать дальше, а я знала.

Я медленно, давая ему время отпрянуть, наклонилась к его лицу и несильно укусила его за нижнюю губу. Агрессивно-ласковая заявка на власть и приглашение.

И тут нас понесло.

Я укусила его ещё раз, ожидая вспышки паники и возвращения к правилам. Его руки, до этого сжимавшие мою талию, сжались ещё плотнее. А его глаза встретились с моими — чистая страсть, вырвавшаяся наружу, как лава из долго молчавшего вулкана.

И с этой страстью в глазах он набросился на меня.

Я сначала инстинктивно отпрянула всем телом, пытаюсь создать хоть сантиметр воздуха между нами. Но его руки держали крепко, железной хваткой, возвращая меня на мое место — в точку, откуда не было отступления.

Его губы были жадными, требовательными: он целовал, кусал, вгрызлся. Его язык, неумелый, но настойчивый, требовал доступа, и я, захваченная врасплох этой лавиной, на секунду поддалась, открыв рот. Смешались вкусы: текила, лимон, что-то металлическое, возможно, кровь от укушенной губы, и его собственный, чистый пряный привкус под всем этим.

Я еле успевала дышать. Его тело прижимало меня так плотно, что грудная клетка с трудом расширялась. Воздух вырывался короткими, прерывистыми порциями где-то между его поцелуями. Тело горело, буквально пылало изнутри от алкоголя, от адреналина, от этого шокирующего, первобытного контакта. Каждая точка соприкосновения — его бедра, его руки на моей спине, его грудь — казалась раскалённой.

Голова горела от осознания, что я потеряла контроль. Что я разбудила в этом хрупком, странном создании нечто монструозное и неудержимое. Что все мои планы, все расчеты рассыпались в прах под напором этой слепой, физиологической ярости. Я пыталась думать, анализировать, но мозг отказывался работать, залитый волнами чистого, животного возбуждения, которое поднималось из низа живота навстречу его жесткому, требовательному давлению.

Одной рукой он отпустил ниже талии, и его ладонь скользнула вверх, к моей шее, сжимая её. Пальцы впились в волосы у затылка, фиксируя мою голову для его поцелуя.

Я попыталась снова отодвинуться, упереться ладонями в его грудь, но он был сильнее, и его желание было сильнее моего сопротивления. Он притянул меня обратно, и наш поцелуй стал ещё глубже, ещё отчаяннее. Звуки клуба, музыка, крики — всё растворилось, превратившись в далёкий, бессмысленный гул. Существовал только он.

Я была в ловушке его желания и, что страшнее, собственного ответа на него. Мое тело, предательски, отвечало ему. По венам растекалось тепло, колени подкашивались. Я тонула.

И часть меня, та самая часть профайлера, которая всегда искала сбои и слабости, ликовала: вот он сбой! Используй. Но как использовать это цунами, которое смывало всё на своем пути?

Он оторвался наконец, его лоб прижался к моему. Его дыхание было горячим и неровным. В его глазах, так близко, я читала ту же панику, ту же потерю контроля, но смешанную с торжеством. Он сделал это. И теперь не знал, что делать дальше, но и отпускать не собирался.

Моя рука сама потянулась вниз по зову плоти от его жара, от этого чувства абсолютной, животной власти, которую он над собой утратил, а я, возможно, обрела. Моя ладонь легла на плотную ткань его брюк, чуть ниже пояса, и уверенно, без нежности, сжала, измеряя масштаб потери его контроля.

Из его груди вырвался низкий стон, почти болезненный звук, который заглушила музыка, но я почувствовала его вибрацию всем телом. В нем было все: шок, стыд, невероятное наслаждение и полная, окончательная капитуляция.

И в этот миг между нами вклинилась тень.

Адам появился ниоткуда. Он вынырнул из мельтешащей толпы, его лицо было искажено злостью. Он вряд ли видел поцелуй, но отчетливо увидел это — мою руку на достоинстве его брата, и его потерянное, стонущее лицо.

Одним резким движением он вцепился в плечо Ская и рванул его назад, от меня, с такой силой, что тот едва устоял на ногах. Потом Адам шагнул между нами, заслоняя брата своим телом, и уставился на меня. Его глаза полыхали.

— Нет! — выкрикнул он Скаю, перекрывая грохот музыки. — Что вы, мать вашу, тут творите?!

Он кричал на брата, но его взгляд прожигал меня насквозь. В этом «вы» было обвинение нам обоим, но адресовалось оно в первую очередь мне.

Скай стоял за его спиной, опершись о стену, с мертвенно-бледным лицом под мигающим светом. Он смотрел на меня с остатками того самого, ослепительного огня, который я только что разожгла. Он был сломан и оживлен одновременно, и абсолютно беспомощен перед гневом Адама.

Я медленно сжала руку в кулак, чувствуя, как пальцы дрожат. Адреналин отступал, оставляя после себя ледяную пустоту. Я перешла черту.

— Успокойся, — сказала я, но мой голос звучал неуверенно даже для меня самой.

— Заткнись, — прошипел Адам, не отводя от меня взгляда. Потом обернулся к Скаю, схватил его за руку. — Идем. Сейчас же. Наверх.

Скай не сопротивлялся и позволяя себя увести, еще на секунду зацепился за меня взглядом, прежде чем его уволокли в сторону выхода.

Я осталась стоять одна посреди ревущего танцпола. Тело горело от стыда и холодного страха. Музыка была в уши, но внутри меня была оглушительная тишина.

Я обернулась, ища в толпе Мику, но её нигде не было. Я осталась одна посреди ревущего танцпола. Тело горело от стыда и страха.

Нашла я её у бара. Она стояла, прислонившись к стойке, и кокетничала с каким-то здоровяком в кожаной куртке.

Я вклинилась между ними, не глядя на парня.

— Где Скай? — спросила она, не меняя выражения лица, но её глаза стали острее.

— В номере отеля. Там же, где и Адам.

Она нахмурилась.

— Они ушли?

— Да, — подтвердила я.

— Странно, — протянула Мика, отхлебывая свой коктейль. — Адам хотел перекусить после клуба. Что-то вроде ночного застолья.

— Я поцеловала Ская, — выпалила я без предисловий. — А Адам нас развел и загнал Ская в отель.

На лице Мики промелькнула быстрая смена эмоций: сначала чистое, детское удивление, затем мгновенная аналитическая оценка.

— Какая реакция, — констатировала она.

— Но ты же целовалась с Адамом, — сказала я, не вопросом, а утверждением.

— Да, — спокойно подтвердила она. — Проверила все перспективы его тела. На предмет, ну, знаешь, близости, хватки, реакции.

Она говорила о нем, как о спортивном снаряде или потенциальном оружии. Безличный, циничный анализ.

— Я тоже проверила Ская, — сказала я.

Она полностью повернулась ко мне, отставив в сторону и коктейль, и кожаного парня, который, поняв, что его время вышло, с обидой отошел.

— И как? — спросила она, прищурившись.

— Что?

— Перспективы? — её тон стал деловитым.

Её вопрос был настолько прямолинейным, настолько лишённым какого-либо морального подтекста, что я растерялась.

— Тебя не смущает, — сказала я, подбирая слова, — что Адаму можно, а Скаю нельзя? Что Адам набросился на него, как на ребёнка, которого поймали на краже конфет?

Мика пожала плечами, её лицо снова стало отстраненным.

— Меня смущает, что шестнадцать взрослых парней живут в монастыре на отшибе жизни, поэтому всё остальное уже не удивляет. Двойные стандарты, лицемерие, запреты. Я больше удивлена, что ты удивлена.

Она была права, а у меня в горле стоял ком от её холодности.

— Это было больше, чем проверка, — тихо сказала я.

Мика понимающе посмотрела на меня.

— Ох, Релл, — вздохнула она. — Не надо. Не начинай влюбляться в психа только потому, что он девственник и у него красивые глаза. Он — часть машины. И мы только что вставили палку в её шестеренки. Теперь нужно смотреть, что сломается первым: палка или машина. И быть готовыми к осколкам. Влюбленность здесь — это роскошь, которую мы не можем себе позволить. Это самоубийство.

Она была права. Снова.

— Что будем делать? — спросила я, сдаваясь и возвращаясь к роли солдата в её войне.

— Ждём, — сказала Мика, снова беря свой бокал. — Ждём их реакции. Если Адам побежал жаловаться папочке — у нас проблемы. Но, судя по его панике, он скорее будет пытаться это скрыть. Чтобы не подставлять брата и, главное, себя. Значит, у нас есть время. И козырь. Мы знаем его слабость.

— Ская?

— Нет, — она покачала головой. — Его реакцию на слабость Ская. А значит, Скай отныне главная мишень!

— А сейчас, — она допила коктейль и поставила стакан с грохотом, — пойдём наверх. Послушаем, что творится за стенкой. И составим план Б на случай, если эти два принца решат устроить нам сцену ревности или что похуже.

Она взяла меня под руку и повела к выходу.

Я шла за ней, чувствуя на губах призрачный вкус Ская.

В номере ничего не происходило. Мика постучала, легонько, с фальшивой небрежностью. Через несколько секунд из-за двери донесся голос Адама, ровный и без эмоций: «Уже спим». Ложь была прозрачной, как лёд, но мы не стали настаивать. Мы поплелись в свой номер.

19 января, Вальтерсхольм

Утром мы молча собрали вещи и молча сели в машину. Атмосфера была ледяной. Мика сидела на пассажирском сиденье, уставившись в окно, её обычная бравада сменилась сосредоточенной, мрачной задумчивостью. Я села за руль, Адам — сзади, рядом со Скаем. Он был бледен, смотрел прямо перед собой, не поворачивая головы. Он казался еще более хрупким, чем обычно, будто за ночь его вывернули наизнанку и собрали обратно не совсем правильно. Адам же был каменной глыбой, излучающей надменное недовольство.

Пока мы выезжали из города, я набрала Кевину короткое сообщение: «Ситуация вышла из-под контроля. Есть новости?» Отправила, но ответа не последовало. Тишина с той стороны стала еще одним гвоздем в крышку гроба моих иллюзий о поддержке.

Обратно ехали без разговоров. Мика включила музыку, рваное электро заполнило салон, заглушая любой возможный разговор. Мы неслись по заснеженной трассе, и каждый из нас был заперт в своей камере из шума и собственных мыслей.

Я пыталась не смотреть на Ская, но чувствовала его присутствие, как открытую рану. Музыка я не слышала, а вот молчание ощущалось особенно громко.

Мы подъехали к администрации, к тому месту, где оставляли машину. Я заглушила двигатель, и мы молча стали выходить.

Когда я обходила машину, Адам вышел мне навстречу. Он не смотрел на меня, его лицо было непроницаемым, но когда я поравнялась с ним, он вдруг тронул меня за руку.

— Прости, Релл, — сказал он тихо, глядя куда-то мимо моего плеча. Его голос был хриплым от усталости и, возможно, от выпитого накануне. — Я не должен был выходить из себя. Это было неожиданно.

— Просто... не нужно трогать Ская, — продолжил он, и его тон стал жестче. — Для его же душевного покоя. Он... — Адам запнулся, подбирая слова, которые не звучали бы как оскорбление в его же устах, — ...он немного иной, чем я, ты или Мика. Его нельзя раскачивать.

Он произнес это с такой заботой, что я кивнула, не зная, что сказать. «Извинения приняты»? «Я больше не буду трогать твоего брата»? Оба варианта звучали фальшиво.

Адам отпустил мою руку и, не дожидаясь ответа, пошел к мосту, оставив меня стоять на морозе.

Я обернулась. Скай тоже уже шел к мосту, его силуэт растворялся в утреннем тумане. Он не оглянулся.

Мика стояла рядом со мной, наблюдая за этой сценой с каменным лицом.

— «Не трогай Ская», — передразнила она шепотом. — Интересно. Значит, он в курсе, что братец не совсем стабилен. Шиза в этой семейке наследственная!

Около моста нас уже поджидали. Там, где асфальт заканчивался и начиналась дорога к мосту, стояли трое: Севастьян, Ильяс и Клеменс. Выглядели они приветливо и выстроились так, чтобы естественным образом разделить нашу группу. Севастьян шагнул к Адаму, завязал с ним тихий разговор, и тут же увёл его в сторону. Ильяс с неподдельным энтузиазмом набросился на Мику, показывая ей что-то на своем телефоне, отвлекая и отгораживая её от остальных. А Клеменс просто встал между мной и уходящей фигурой Ская.

Система среагировала на вчерашний сбой и теперь мягко, но твёрдо возвращала всё на свои места. Вы — с нами. Они — с ними. Границы были восстановлены.

Мика, заметив маневр, фыркнула, но подыграла Ильясу, делая вид, что увлечена его болтовнёй. Адам, судя по его кивкам и коротким ответам Севастьяну, получал инструкции или отчитывался. А я стояла перед немой, непроницаемой стеной по имени Клеменс, которая не позволяла мне даже попытаться встретиться взглядом со Скаем.

Разделенные и под присмотром, мы вернулись на Вотиву.

Тишина острова, обычно давящая, на этот раз казалась почти благословенной после клубного ада и напряженного молчания в машине.

Теперь система перезагружалась, возвращаясь к исходным настройкам. И наши роли были жестко прописаны заново.

Мы вошли в холл. Искусственный камин тихо потрескивал. Севастьян обернулся к нам с той же, вечной, мягкой улыбкой.

— Надеюсь, вы хорошо провели время. Теперь, пожалуйста, отдохните в своих комнатах. Обед будет подан позже, учитывая ваше позднее возвращение.

Мика, наконец оторвавшись от Ильеса, бросила на Севастьяна колкий взгляд, но ничего не сказала.

Мы поднялись на третий этаж. Клеменс остановился у лестницы, его миссия была завершена. Он просто стоял и смотрел, как мы уходим в свою изоляцию.

Дверь в мою комнату закрылась за мной с мягким щелчком. Осталось только ждать, что скажет Уотсон.

Обед состоялся около четырёх вечера. За столом собрались трое: я, Мика и Том Уотсон. Отсутствие парней, особенно Адама и Ская, было красноречивее любых слов.

Уотсон был вежлив. Он встал, когда мы вошли, попросил сесть, осведомился, хорошо ли мы отдохнули. Его манеры были безупречны, взгляд спокоен.

Он завязал светскую беседу. Расспрашивал о впечатлениях от города, о магазинах, даже о кофе, упомянув с печальной усмешкой, что слышал, он оставляет желать лучшего. Говорил о погоде, о планах на обустройство еще одной теплицы. Все было мирно, невинно, не относящимся к делу.

Но под этой гладкой поверхностью текло иное. И минут через двадцать, когда основное блюдо было съедено, он аккуратно, почти ласково, сменил тему. Он положил вилку и нож, сложил руки на столе и посмотрел на нас поочередно.

— Вы, конечно, молодые, полные жизни женщины, — начал он тихо. — И я понимаю, что наша община, с её спокойствием, может показаться скучной для такого темперамента. Мои мальчишки, — он сделал небольшую, значимую паузу, — они тоже молодые люди. Чувствительные, но они здесь не для светских игр или мимолетных увлечений.

Он не повышал голоса.

— Они работают над собой в своем ритме. Любое внешнее... возмущение, — он подобрал это слово с особой тщательностью, — может нарушить этот хрупкий процесс. Сбить их с пути и принести боль, которую потом будет трудно исцелить.

Он посмотрел на Мику, Адам, скорее всего, ещё не успел пожаловаться на меня.

— Они не игрушки для светских утех, дорогие мои. Не объекты для удовлетворения чьего-либо любопытства или амбиций. Они — моя ответственность. И я прошу вас, — его голос стал еще тише, но от этого еще более весомым, — относиться к ним с соответствующим уважением и дистанцией. Ради блага присутствующих здесь.

Мика сидела, устремив взгляд в свою тарелку, но я видела, как напряглись мышцы её челюсти. Нас мягко поставили на место.

Я молчала. Что можно было ответить? Оправдываться? Отрицать? Это бы только подтвердило его картину мира. Согласиться? Значит, признать свою «вину».

Уотсон, видя наше молчание, кивнул, как будто беседа состоялась и все точки над «i» расставлены.

— Я рад, что мы поняли друг друга. Мика, мы с вами встретимся завтра и рассмотрим вопросы для интервью. Чем раньше начнём, тем быстрее вы вернетесь в свой мир! Надеюсь, оставшееся время вашего пребывания пройдет в атмосфере взаимного уважения и покоя. А теперь, если позволите, у меня дела.

Он встал, давая понять, что разговор окончен. Нам ничего не оставалось, как последовать его примеру.

Мы вышли из столовой в холодную тишину холла. Мика, едва дверь закрылась, прошипела:

— «Не игрушки». Да он их прямо в стеклянные банки посадил, сволочь. И нам теперь пальцем не тронуть, а то нарушим их «хрупкий процесс». Нас еще и выгоняют теперь!

Ее ярость была искренней, но бесполезной. Уотсон только что легализовал нашу изоляцию и наш отъезд. Не этого ли мы хотели?

Глава 10. Стеклянная банка

До ужина мы периодически заходили друг к другу, как узники по смежным камерам, и переговаривались шепотом. Обсуждали безвыходность, молчание Кевина, ледяную вежливость Севастьяна, который теперь, казалось, появлялся в коридоре каждый раз, когда одна из нас выходила из комнаты. Надзиратели бдели.

После ужина, еще более тихого и быстрого, чем обычно, Мика внезапно предложила:

— Пошли к источникам. Хотя что-то приятное. И подумать можно.

Идея была рискованной, но источники были единственным местом, куда нас официально водили, и куда у нас был доступ. Там, в теплой воде и под открытым небом, можно было поговорить без страха, что за дверью стоит Севастьян или кто-то ещё.

Я кивнула. Но тут же вспомнила про свой купальник, выбранный Скаем. Надеть его сейчас, после приказа Уотсона «не трогать мальчиков», было бы красной тряпкой для быка.

— Я возьму купальник у тебя, — сказала я Мике. — Мой не подходит.

Она посмотрела на меня с пониманием, кивнула и протянула один из своих — спортивный, темно-синий, вполне приличный.

Мы переоделись, накинули халаты и вышли. В холле никого не было. Даже искусственный камин был выключен. Мы быстро прошли через гостевой выход и оказались в холодной ночи. Воздух обжигал легкие после тепла дома. Мы почти бегом, стуча зубами, понеслись по тропинке к источникам.

Пар клубился над каменными чашами, смешиваясь с нашим дыханием. Мы быстро скинули халаты и погрузились в ближайший, пустой источник. Горячая, почти обжигающая вода обволокла тело, заставив вздохнуть с облегчением. На секунду всё напряжение — от Уотсона, от молчания, от этой давящей изоляции — отступило, смытое физическим теплом.

Мы сидели напротив друг друга.

— Что будем делать? — первая нарушила тишину Мика.

— Ждать, — ответила я, откидывая голову на теплый камень. Звезды над нами были невероятно яркими, без городской засветки. — Ждать ответа Кевина. Смотреть за ними и искать слабину.

— Слабину? — Мика фыркнула. — Ты видела, как нас встретили? Как он с нами поговорил?

Она была права, но сдаваться я не собиралась.

— У каждой системы есть создатель, — сказала я тихо. — И у него есть мотив. Деньги Дельгато, смерть Дельгато, его бегство сюда, его «мальчики». Все это связано, и нужно найти эту связь.

— Через что? Через библиотеку Уотсона? Через его компьютер? — Мика говорила все тише, погружаясь в воду по шею. — Туда нас не пустят. А если и пустят — там ничего не будет. Он не идиот.

Мы замолчали, слушая, как ночь наполняется звуками: далекий вой ветра в елях, тихое бульканье воды, наше собственное дыхание. В этой тишине и тепле злоба и страх немного отступали, уступая место усталому, холодному расчету.

— Адам, — наконец сказала Мика. — Может, опять через него?

— Про Ская он пока не рассказал, а вот про него Уотсон знает и будет следить, — напонила я. — Скай сказал, что у него девушка в Вальтерсхольме.

Мика посмотрела на меня сквозь струящийся пар.

— Чего? Что у него там?

— Девушка!

Мика громко рассмеялась.

— «Мальчики — не игрушка», какая пафосная речь, — сказала Мика без тени сожаления. — Смысл понятен, игрушки — это мы. Какой же он маленький говнюк!

Новость о том, что у Адама была девушка, для Мики стала истерикой яростного цинизма, подтверждавшей все её самые мрачные убеждения.

— Видишь?! — шипела она. — Видишь, Релл? Все — мужики козлы! Все! Даже этот, с пирсингом и понтами, с претензией на «стильного затворника»! Пока мы тут с ним флиртуем и пытаемся его раскачать, у него, оказывается, своя маленькая идиллия в кармане! И он еще смеет злиться из-за фото! Лицемер! Тряпка! Козел!

Она изливала яд, и её голос срывался на высокие, почти визгливые ноты. Это был взрыв накопленного раздражения и осознания, что её игра с Адамом была не игрой гения против достойного противника, а возней с мелким обманщиком, у которого и так всё схвачено. Это ранило её профессиональную гордость.

На такой яркий всплеск эмоций, доносившийся сквозь деревья, быстро собрались случайные зрители. Они замерли, но их тени виднелись в пространстве между ветвей.

Мика, заметив тени, не стала стихать.

— Подслушиваете?! — крикнула она им, ее глаза метали молнии. — Ну так залезайте! Или вы только подглядывать умеете?

Чен смущённо показался из-за деревьев, а за ним и Клеменс. Они обменялись взглядами.

— Придем, — коротко бросил он.

Я смотрела на Мику, которая сидела, руками переливая воду, тяжело дыша.

— Мы будем с ними тут сидеть? — тихо спросила я.

— Ну да, — выдохнула она. — Налаживать контакт. Иначе как? Сидеть тут и гнить? Нет, они сейчас придут, и мы будем общаться.

Мы недолго ждали. Сначала пришел Клеменс, как и обещал. Один. Он был в своей обычной темной одежде, лицо не выражало ничего. Потом подтянулся Чен. Затем Лукас — по долгу службы «сопровождения и безопасности». И, наконец, Адам.

Он пришёл последним. И пришёл потому, что не мог не прийти — скорее всего ему всё рассказали о нелестных высказываниях Мики!

Они стояли вокруг источника, глядя вниз. Воздух стал густым, тяжёлым.

— Что, стесняетесь? — бросила Мика. — Вода мокрая, горячая, яд мы сюда не подливали, или у вас традиция — раздеваться сообща?

Парни синхронно, почти по команде, разделись до темных, практичных плавок и зашли в воду. Движения их были неловкими, пытались аккуратно, сохраняя дистанцию, но в маленькой каменной чаше это было невозможно. Пришлось сесть близко. Очень близко.

Адам вошел последним, в руках у него была бутылка вина и несколько простых стеклянных стаканов. Не говоря ни слова, он поставил их на каменный бортик и начал разливать, протягивая каждому.

Тела, обычно скрытые многослойной темной одеждой, теперь были обнажены: бледная кожа, линии мышц от физического труда, шрамы, татуировки у Адама. Они выглядели уязвимее, моложе и напряженными до предела.

Мика, сидевшая напротив, сразу решила завязать светскую беседу. Но её «светскость» была с лезвием внутри.

— Ну что, — начала она, разливая по стаканам вино, которое, откуда только взяла, — рассказывайте, как вам тут живётся, когда начальство спит? Есть у вас свои... тайные радости? Кроме ворованного вина из погреба, конечно.

Она обвела взглядом всех, но вопросы сыпала, минуя Адама. Спрашивала у Клеменса, не скучает ли он по друзьям из города. У Лукаса — что он думает о настоящей армии, раз хочет туда попасть. У Чена, кем он хочет стать. Она играла на их индивидуальности, которую система старалась стереть. И они, под давлением ее прямого, чуть насмешливого тона, начали

отвечать. Сначала односложно, потом — развернуто. Оказалось, Чен играл в компьютерные игры до приезда сюда и до сих пор по ним скучает. Лукас, к моему удивлению, цитировал уставы и говорил о «дисциплине как основе свободы» — явно заученные тезисы.

Адам сидел молча, отпивая вино и наблюдая за Микой. Он понимал её тактику: обойти, изолировать, а затем нанести удар. И ждал.

Клеменс сел рядом со мной, так что наши плечи почти соприкасались в теплой воде. Сначала я думала, это случайность, но нет. Он сидел устойчиво, и когда я слегка отодвинулась, он так же слегка, почти незаметно, подвинулся следом. Его плечо, твердое и теплое, снова коснулось моего. Это не было похоже на флирт Ская. Он устанавливал границы своей территории и проверял мои. Хотя лицо и было повернуто к общему разговору, все его внимание, казалось, было сосредоточено на точке соприкосновения. Он не смотрел на меня, но его присутствие ощущалось физически.

Вода в источнике проводила невидимые токи напряжения: от слов Мики, от молчания Адама, от навязчивой близости Клеменса, от прорывающихся наружу признаний Чена.

— А ты, Адам, — наконец обратилась к нему Мика, когда разговор на минутку затих. Она положила подбородок на сложенные на краю чаши руки и смотрела на него без улыбки. — Ты так и не рассказал, как нашёл свою... пассию здесь, в этом заповеднике духовности. Или это тоже часть какого-то «процесса»? Духовные узы, так сказать?

Вопрос повис в воздухе. Все замолчали.

Адам медленно поднял свой стакан. Его взгляд скользнул по лицам собравшихся.

— За то, что здесь собрались только те, у кого есть любовь, отношения и понимание, — произнес он сциничной торжественностью. — Чтобы не было лишних вопросов и интересных реакций.

Он имел в виду Ская. Конечно, Ская! Его здесь не было, потому что у него не было «понимания». Не было девушки, он был чист, невинен, и потому — исключен из этого круга «посвященных». Адам мягко, но жестко проводил границу. Мы были в компании «бывалых».

Это была встреча сообщников по нарушению правил.

Мика, сидевшая напротив, вскипела мгновенно.

— Что?! — её голос взрезал ночную тишину, заглушая даже шум воды. — Ты серьёзно?! «Чтобы не было интересных реакций»?! Ты про своего брата?! Ты его дефектным считаешь? Или просто боишься, что он увидит, какой ты лицемерный ублюдок на самом деле, раз у тебя тут «понимание» под боком, а ему и взглянуть нельзя?!

Она вскочила, вода хлынула с её тела. Она тыкала пальцем в Адама через всю чашу.

— И это после твоих воплей в клубе: «Не трогай Ская, он хрупкий»! А сам ты что делаешь?! Отделяешь его, как прокажённого! Чтобы он не испортил вашу пирушку «понятых»? Да ты просто трус, Адам! Трус и лицемер!

Скандал разразился внезапно и яростно. Мика выплескивала всю свою фрустрацию от заточения, от системы, где даже грех был регламентирован. Адам стал идеальной мишенью для всего её накопленного гнева.

Адам не ожидал такого взрыва. Он замер, его стакан застыл в воздухе. Он рассчитывал на циничное подобие мужской солидарности, а получил публичную порку. Остальные парни застыли.

— Заткнись, — прошипел наконец Адам. — Ты ничего не понимаешь.

— Я понимаю, что ты сволочь! — кричала Мика. — Ты его изолируешь! Ты делаешь из него изгоя в своем же доме! И все потому, что он лучше тебя! Чище! Он не умеет врать и прятаться, как ты!

Она перешла все границы. Адам побледнел и сжал стакан так, что стекло заскрипело.

— Ты не знаешь, о чем говоришь, — его голос стал низким. — Ты здесь гость. Не забывай.

— Гость, которого ты пытался трахать глазами вчера в клубе! — парировала Мика. — А сегодня я уже неудобная правда, которую нужно заткнуть? Удобная у тебя мораль, Адам. Очень гибкая.

Клеменс медленно встал. Вода стекала с его мощного торса.

— Хватит, — сказал он ровно, но так, что его голос перекрыл крики Мики. Он смотрел на Адама. — Ты сам всё испортил. Идём.

Вода хлюпнула, когда Адам резко развернулся. На его лице бушевала ярость, смешанная с презрением к самому себе за то, что позволил этому фарсу случиться.

— Давайте, — продолжила Мика, её тон был сладким, как прокисший мёд. — К девушкам своим гребите. Адъос.

Она помахала им рукой с театральным пафосом. Она понимала, что сцена сорвалась, но не могла удержаться от последнего, ядовитого укола.

Парни начали выходить из воды. Адам выбрался первым, его мокрые шорты липли к телу, обрисовывая напряжённый мускул. Он не оглядывался, шлёпая по плитке. Клеменс вытер лицо ладонью, и прежде, чем уйти, его взгляд нашёл меня.

— Встретимся позже, — вдруг обратился он ко мне.

Я кивнула.

Парни ушли, их шаги затихли. В воде остались только мы, пар над поверхностью напоминал дым после выстрела.

— Ты видела? — прошипела Мика, её голос всё ещё дрожал от ярости. — Ты это видела? Они тут кого из себя строят? Пикаперы хреновы!

— Понятия не имею, — ответила я, и это была чистая правда.

— Мне кажется, что пора ночью разворошить это гнездо и найти Ская.

Она вылезла из источника, вода с неё лилась стремительно, сметая всё на своём пути.

— Это самоубийство, — сказала я, оставаясь в воде, будто она могла дать хоть какую-то защиту.

— Мы проберемся ночью в кабинет, я запомнила, где лифт, и посмотрим, что там, — Мика усмехнулась, закутываясь в полотенце. — Ты со мной? Или будешь сидеть тут и ждать, когда превратишься в русалку?

— Я готова, — сказала я, вылезая и натягивая халат.

— Встречаемся в моей комнате в полночь. И без глупостей. Один неверный шаг — и мы станем частью их следующего «чуда» в качестве мучениц за несоблюдение устава

Мы с Микой, облачённые в чёрное, шли по коридору быстрыми, мягкими шагами. Рюкзак за её спиной тихо поскрипывал.

Мика с её памятью навигатора, без колебаний нашла лифт. Когда лифт мягко остановился, мы включили фонарики.

Двери открылись, и мы попали в кабинет. Внутри пахло кофе, бумагой и дорогим одеколоном. Никого.

Мика молча сбросила рюкзак, и достала ноутбук.

— Думаешь, тут есть что-то? — прошептала я, осматривая мощный компьютер на столе. — Секретная информация? Пароль же...

— К черту пароль, — отрезала она, и в её голосе звучала плохо скрываемая усмешка. — Тут точно есть хороший интернет.

Она рванула провод из системного блока и воткнула в свой ноутбук.

Она оказалась права, и ноутбук ожил. Экран залился холодным светом, отразившимся в её широких зрачках. Пошла загрузка, потёк невидимый поток данных. Сеть здесь и правда была отменной — быстрой, без загрузок.

— Пиши Кевину, — распорядилась она, не отрываясь от экрана. — Пусть хоть как-то нам поможет.

Кевин был в сети. Ответ пришёл почти мгновенно.

— Информации пока нет. Надо ехать к вдове Дельгато. С ней можно договориться.

Я перевела взгляд на Мику, которая светила фонарём по корешкам книг.

— Мы не можем уехать, — написала я. — Тут произошли некие трудности.

— Я приеду за тобой, — пришёл ответ. — Против полицейского никто не пойдёт. Особенно того, кто официально находится в отпуске.

— Хорошо, — согласилась я.

Но перед тем, как я успела отключиться, пришло ещё сообщение:

— Будьте осторожны. Обе.

Мика выдернула шнур и надела рюкзак, её взгляд метнулся к дверям лифта. Я кивнула.

— Никаких интересных книг, одна классика! — призналась она.

20 января, Вальтерсхольм

Утро пахло кофе. Я спустилась одна. В комнате Мики была тишина, и я не стала её будить, спустилась одна.

Адам и Клеменс уже были на кухне. Они стояли у острова, и атмосфера была настолько нормальной, что это почти резало по нервам.

— Присоединяйся, — кивнул мне Клеменс.

Адам тем временем без лишних слов поставил передо мной тарелку — сэндвич, аккуратно разрезанный пополам.

Я села, позволив теплу от чашки с кофе проникнуть в озябшие пальцы.

— Мика спускалась? — спросила я.

Клеменс отхлебнул из своей кружки, прежде чем ответить.

— Она давно уехала с мистером Уотсоном, — сказал он, и в его тоне не было ни капли напряжения. — Интервью, все дела, ну знаешь.

— Понятно, — произнесла я, опуская взгляд на тарелку. Мозг лихорадочно просеивал факты.

Наступила небольшая пауза, которую заполнил лишь звук ножа, намазывающего масло на тост. Адам посмотрел на меня; у него явно были ко мне вопросы, которые он не озвучивал.

— Мы думаем, позже посмотрим фильм или поиграем в «Монополию», — сказал он, словно предлагая якорь в этом море неопределённости. — Присоединяйся. Отвлечёшься.

Я взяла сэндвич. Хлеб был мягким, сыр — слегка солоноватым. Обычный вкус.

— Спасибо, — кивнула я ему. — Подумаю. Фильм, пожалуй, неплохая идея.

Оставшись одна, я обошла резиденцию. Теплицы, источники, гостиная — всё безупречно. Устроившись на диване в гостиной, я посмотрела книги в шкафу: классика, научпоп по психологии, несколько сборников по экологии. Ни намёка на двусмысленность. Даже холодильник был образцом здорового питания: йогурты, овощи, соки.

Резиденция «Вотива» была безупречно обычной, как картинка из брошюры о счастливой, осознанной жизни.

В какой-то момент, стоя у огромного окна с видом на лес, меня накрыла рациональная волна сомнения. А что, если мы с Микой ошибаемся? Что, если мы ищем секреты там, где их нет? Может, это просто место, где люди собрались строить свой лучший мир, каким они его видят? Наивно, возможно, утопично, но в этом нет преступления.

Самый логичный, самый безопасный вариант — закончить интервью, собрать материал и уехать. Не лезть в кроличью нору, которую, возможно, мы сами и придумали.

На обед собрались все парни. Кто-то уже расселся за длинным стеклянным столом, кто-то, как и я, предпочел остаться у кухонного острова, создавая более неформальный круг. Я

наполнила тарелку зеленым салатом, и встала у кухонного острова, заняв позицию наблюдателя.

У меня было всего несколько секунд, чтобы разглядеть нелепый принт на футболке Ская, и опустить взгляд, прежде чем кто-либо мог заметить моё внимание. Скай не смотрел в мою сторону. Он был поглощен спором о лучшем сорте томатов для теплицы.

Но если Скай был бы книгой, то это была бы тягучая драма с глуповатой обложкой. Клеменс был бы текстом, написанным мелким, напористым шрифтом. Он не сводил с меня глаз, сыпал вопросами, пытаясь докопаться до сути.

— И как тебе наш лес после города? Не кажется слишком тихим? — Его улыбка была тёплой, но глаза оставались чуть прищуренными.

— Вы с Микой давно дружите? Должно быть, это требует полного доверия.

— А что ты думаешь об идее локальных сообществ? Не чувствуешь, что глобализация лишает нас чего-то настоящего?

Вопросы были общими, но их направленность ощущалась как тихий допрос. Он выстраивал психологический профиль, щупал границы.

Я отвечала ровно, общо, смещала фокус обратно на «Вотиву», на их идеи, делая вид, что с интересом впитываю информацию. Притворялась открытой книгой, в то время как все мои страницы были плотно сомкнуты.

После обеда Лукас предложил выбрать фильм. Он подошёл к холодильнику, где среди магнитов с мотивирующими цитатами прилепился целый стикер-пак. Отрывал листочки и раздал каждому.

— Обычная процедура голосования, — пояснил он. — Пишите жанр.

Я наблюдала за этим, стоя чуть в стороне, отмечая: коллективное решение, учёт мнения большинства, снятие ответственности с одного. Очень в духе «Вотива».

Ручка дошла до меня, и я не раздумывала ни секунды. Пока другие ломали головы, пытаюсь угадать настроение группы или выбрать что-то нейтральное, я вывела слово: УЖАСЫ.

Мне было плевать на консенсус. Мне нужно было нарушить эту идиллию, пусть хотя бы на экране.

Голоса подсчитали. Моя маленькая диверсия сработала. Со мной были солидарны почти все. Все, кроме Ская и Клеменса.

Скай, всё ещё в своей дурацкой футболке с осьминогом, написал размашисто: ФАНТАСТИКА. Побег в другие миры. Предсказуемо.

А вот Клеменс аккуратно, каллиграфическим почерком вывел: МЕЛОДРАМА. Он даже взглянул в мою сторону, когда зачитывали его выбор.

Победили, конечно, ужасы.

Начался второй тур — выбор конкретного фильма. Лукас, как учитель у доски, принимал предложения. Названия летали, большей частью — мейнстримные страшилки для весёлого вечера. Пока кто-то, кажется, Адам, не сказал негромко:

— А что насчёт «Мучениц»? Ложье.

Фильм про боль, трансцендентность, слом плоти и духа. Можно ли это засчитывать как пронзительный крик?

Я скользнула взглядом по Клеменсу. Он не моргнул, лишь слегка наклонил голову, будто рассматривая это предложение как интересную абстракцию.

— Почему бы и нет, — раздался ровный и спокойный голос Чена. — Сильное кино. О самопожертвовании.

— «Мученицы» Паскаля Ложье. Отличный выбор, — сказала я неожиданно громко. — Договорились.

Глава 11. Мученицы

Дух жареной кукурузы и топлёного масла витал в воздухе, смешиваясь с тихим гулом голосов. Лукас и Чен возились у проектора. Все парни рассаживались по мягким креслам домашнего кинотеатра. Я просчитывала расстановку на ходу: двадцать мест, четыре кресла в ряд, пять рядов.

Клеменс, стоявший рядом, излучал неотступное внимание. Чтобы избавиться от него, нужен был резкий, но естественный манёвр. Я двинулась вглубь, к последнему ряду, и без колебаний опустилась в кресло рядом с Севастьяном. Я почти выдохнула, откидываясь на спинку.

Но почти сразу же геометрия комнаты изменилась, и по спине пробежал холодок. Скай, избегавший меня после возвращения, неожиданно протиснулся мимо и опустился в кресло по другую сторону от Севастьяна. Получился своеобразный бутерброд: я — Севастьян — Скай. И почти сразу, с другой стороны от меня, во внешнее кресло нашего ряда бесшумно подсел Ильяс.

Меня это встревожило.

Я не подавала вида. Просто устроилась поудобнее, положила ногу на ногу, сделала вид, что полностью поглощена ожиданием фильма. Клеменс остался впереди, заняв место во втором ряду по центру — идеальная точка

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.